

Вячеслав Каминский

ЛАБИРИНТ ВРЕМЕНИ

Вячеслав Каминский
Лабиринт времени

«Издательские решения»

Каминский В.

Лабиринт времени / В. Каминский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901829-8

Лабиринт времени. Мы блуждаем по нему, возвращаясь то на десять, то на двадцать, а то и на двести лет назад. Кто прячется в этом загадочном лабиринте? Какие невероятные истории ждут нас в путешествии по нему? И так ли легко из него выбраться?

ISBN 978-5-44-901829-8

© Каминский В.
© Издательские решения

Содержание

Фантазия на тему города К	6
Лабиринт времени	7
Западня	8
Прогулка с философом	12
Откровенный разговор	18
Обитель муз	24
Возвращение	29
Эпилог	36
Как я не стал миллионером	38
Операция «Вишневая косточка»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лабиринт времени

Вячеслав Каминский

Иллюстратор Александр Смирнов

Корректор Галина Соколова

Редактор Вячеслав Каминский

© Вячеслав Каминский, 2018

© Александр Смирнов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-1829-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С детства мечтал о путешествиях. Поэтому пошел учиться на геофак в Калининградский государственный университет. Десять лет проработал в «Запрыбпромразведке», ходил в море на научно-поисковых судах, помогая рыбакам ловить рыбу.

Потом увлекся журналистикой. Работал в разных газетах, пока не создал свою. И уже больше двадцати лет являюсь ее редактором.

Сочиняю для души в свободное от работы время. Но питаю надежду, что мои рассказы кому-то будут интересны.

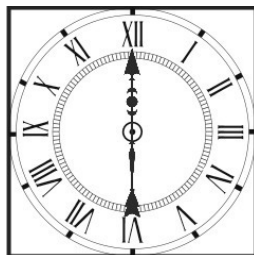
Фантазия на тему города К

Эта история случилась в нашем городе. Впрочем, ни в каком другом она и не могла произойти. Ведь только здесь, гуляя по знакомым и незнакомым улочкам, можно наткнуться на шляпу великого философа, забытую на скамейке, или оказаться возле дома знаменитого сказочника, от которого, правда, остался лишь один камень, зато героев его сказок – хоть отбавляй. Можно примерить ботфорт, оставленный самым правдивым в мире рассказчиком, и услышать бой курантов с башни старинного собора, который, казалось, никогда уже не возродится.

Эта история случилась в нашем городе. В ней переплелись правда и фантазия, настоящее и прошлое, исторические персонажи и вымышленные. Она о первой и последней любви, о дружбе и долге, и о времени, в котором очень легко заблудиться.

Лабиринт времени

Западня

В самый обычный день, часов около трёх пополудни, через остров к Дворцу моряков шёл молодой человек. Он шёл не спеша, до репетиции в Литературном театре было ещё достаточно времени, и думал о том, как было бы здорово на этой самодеятельной сцене, где ему, правда, доставались лишь скромные роли даже не второго, а третьего плана, поставить гофмановского «Цинобера». Желание было вполне понятным, ведь он сам стал жертвой этого «крошки Цахеса». Хотя какой тот, между нами, крошка: высокий, с мягкими кудрями до плеч и даже приятными чертами лица. Звали его, правда, вовсе не Цахес, а Валентин. Он вызывал восхищение у всех однокурсниц, особенно когда брал в руки гитару и начинал петь сладким голосом что-нибудь про «оранжевого кота» или «царевну-Несмеяну». И ведь никто из них не видел, кроме студента Игоря (молодой человек был именно он), что это же уродец со старческой мордашкой и паучьими лапками. Вот этими мерзкими лапками он и заарканил бедную Лизу. Его Лизу! Или уже не его? Неужели она не видит, что это оборотень, укравший его, Игоря, мысли, его чувства, его любовь к ней, говорит то, что хотел, но не осмелился сказать Игорь, шутит его шутками, читает стихи, которые хотел ей прочесть Игорь. Этот уродец Цахес, Игорю хотелось назвать его тохес, украл у него самое дорогое – его Любовь. И теперь его жизнь потеряла всякий смысл и значение. Игорь даже готов был с ней расстаться. Но только чуть позже, после того, как поставит эту обличительную пьесу про ненавистного «Цинобера», чтобы Лиза, наконец, поняла, на кого его променяла. На этого глупого, самовлюбленного, говорящего чужие мысли Цахеса. Но поздно, Лизонька, поздно... Гуд бай, май лав, гуд бай!

С этими грустными мыслями Игорь не заметил, как оказался у стен Кафедрального собора, величественного даже в столь разрушенном виде. Не раз вместе со своими друзьями-студентами он пролазил через проёмы в кирпичной стене внутрь здания, нередко находя там всякие интересные вещицы: разломанный подсвечник, медную табличку с выгравированной на ней непонятной надписью, пуговицу с французского мундира времен Наполеона и даже чей-то череп. Пока эти проёмы не замуровали, дабы любознательные граждане не разобрали собор или, вернее, то, что от него осталось, по кирпичику.

Да, теперь попасть внутрь стало несколько сложнее. Но при желании – можно. Вот и сейчас рядом с усыпальницей великого философа, на уровне второго яруса, у еще не заделанного окна, стояла лестница. Обыкновенная стремянка. И ненавязчиво, как в сказке про Алису, звала: «Залезь на меня! Ну, смелее!». Соблазн был велик. Очень велик. И, убедившись, что рядом никого нет, Игорь полез по плохо струганным ступенькам наверх. Добравшись до оконного проёма, он посмотрел вниз: там, в прошлогодней листве, прятались три золотисто-зелёные ящерицы. Одни хвостики торчали. Они были совсем рядом, и Игорь, не задумываясь (была не была), прыгнул вниз. Из-под ног с писком выскочили три здоровенные крысы и, зло посмотрев на Игоря, спрятались в куче битого кирпича.

– Интересно, – подумал он, – чем они здесь питаются?

Но тут же забыл про них. Причем тут крысы, когда он оказался в самом сердце старинного собора. Совсем один! И потому все увиденное воспринимал значительно острее, нежели когда здесь разгуливал с друзьями. Могучие, хоть и сильно израненные стены, с многочисленными готическими арками, венчались бездонным, синим куполом неба с пухлыми кучевыми облаками. И от этого казалось, что собор, лишённый кровли, оторвавшись от земли, летит навстречу Вселенной. А стены?.. Они шагали навстречу друг другу, желая расплющить бедного Игоря. Да, медленно, но верно приближались... Он это видел. Собственными глазами! И для большей верности стал считать шаги от одного нефа до другого. Получилось семьдесят три шага. Он ещё раз измерил расстояние. Вышло семьдесят два. И ещё... На этот раз он насчитал семьдесят один шаг.

Чушь какая-то, наваждение, подумал Игорь. Быть такого не может. Но ему почему-то стало страшно. В тишине, сюда с улицы не долетал ни один посторонний звук, он даже услышал стук собственного сердца. Оно билось ровно, но часто.

Всё, хватит, пора возвращаться, решил он и... ахнул. А как? Как ему отсюда выбраться? Ведь с этой стороны не было никакой, хоть самой захудалой лестницы. А без неё до оконного проёма не долезть. Ну как он об этом не подумал, когда так опрометчиво сюда сиганул. Только крыс распугал. Но делать что-то надо! Игорь попытался вскарабкаться по шершавой стене, цепляясь за кирпичные выступы, но только руки ободрал. Да, альпинист из него никудышный. Впрочем, отчаиваться не стоит, вон, здесь сколько всякого мусора: камней, палок, битого кирпича. Придумаем что-нибудь. Камни были тяжелые, к тому же выковырять их из земли оказалось не так-то просто – сил на это уходило много. С кирпичом было проще. Но и он то крошился, то ломался. Так что пирамида хоть и росла, но очень медленно, зато силы уходили быстро. Очень быстро. И пока Игорь вконец не обессилил, решил предпринять ещё одну попытку дотянуться до злосчастного оконного проёма. И ему это удалось. Почти. Он даже успел увидеть, как к могиле всемирно известного философа Канта приближается группа приезжих экскурсантов. Скорей всего, судя по халатам и тюбетейкам, из какой-то солнечной среднеазиатской республики. Но то ли от того, что испуганные туристы смотрели на него, как на какое-то соборное привидение, выползшее на волю из готических недр, то ли из-за хлипкости сооружённой Игорем конструкции, а, может, просто из-за нехватки сил, но руки у него разжались, и он с криком упал на камни. Боли он даже не почувствовал. Её, видимо, заглушило чувство досады. Но, когда он попытался встать, она дала о себе знать. Притом так резко, что Игорь вновь закричал. Ещё громче.

И тут ему впрямь стало страшно. Как в детстве, когда к нему впервые пришла Тревога. Сначала она приходила к отцу. Притом всегда по ночам. О её приходе истошно, поднимая на ноги весь дом, возвещал посыльный солдат. И отец-богатырь, молча вставал, быстро одевался, брал собранный заранее маленький чемоданчик, целовал жену, Игорьку (тот делал вид, будто спит) и уходил на Войну. С Тревогой. Дня через два или три он возвращался домой – худой, усталый, но довольный, что одолел-таки это мерзкое чудище. Но проходила неделя, другая, и новый посыльный вновь трубил на весь подъезд о вернувшейся Тревоге. Она была бессмертна.

А потом Тревога пришла к Игорьку. И тоже ночью. Когда его родители уехали в отпуск (что это и где находится, этот Отпуск, Игорь тогда не знал), и он остался один дома, с бабушкой. Вот тут-то она и заявила – Тревога. Большая, круглая, с короной из остроконечных копий... На этот раз она пришла за Игорьком. И, мерзко хохоча чёрным беззубым ртом, уже чуть было не схватила мальчика за розовые пяточки, в которых и прятался его страх.

– Тревога! – только и успел крикнуть он. – Тревога!

Но тут зажёгся свет, и в комнату вошла бабушка. Она обняла Игорьку и стала успокаивать его.

– Нет никакой Тревоги. Успокойся. Ты же сам видишь. Никого тут нет... Это просто дурной сон.

Но Игорек ей не верил. Как же, нет... А с кем тогда уходит сражаться по ночам его отец? С Тревогой!.. Все же про это знают! Да, его ей не одолеть. Но она хитрая... Разузнала, что отца дома нет, и пришла за ним, за Игорьком. Он же видел её. Ощущал её скользкие щупальца, когда, стащив с него тёплое стеганое одеяло, она хватала его за холодные ноги.

И все эти годы, даже, когда вырос, Игорь знал, что она есть – Тревога. И когда-нибудь, когда рядом не будет ни родителей, ни уже умершей бабушки, она придет за ним...

И тут ему стало по-настоящему страшно. Он понял, что никто его здесь не найдёт. Во-первых, кто знает, что он, балбес, сюда полез, он и сам еще пару часов назад этого не знал, а, во-вторых, кто вообще его станет искать... Родители далеко, в другом городе. В общаге его

однокомнатники, бывало, и неделями не ночевали. И ничего. Никого это, в общем-то, не волновало. Ну а то, что его не будет на лекции, тоже вполне обычная картина. Можно подумать, он раньше не прогуливал.

Так что же, значит, всё? Финита ля комедия. Кончилась жизнь? Так глупо. Нелепо. Нет, нет, нет! Он такой молодой, умный, красивый, талантливый. Не может он так просто взять и умереть. Это невозможно!

– Но ты же сам только что думал о смерти, уверяя, что без Лизоньки твоя жизнь потеряла всякий смысл и значение.

– Кто это? – Игорь испуганно вглядывался в сгущающиеся сумерки. Послышалось ему это, что ли? Похоже, голос доносился из башни, куда вели выщербленные ступени. Или не из башни? Темно, не видно. Страшно.

– Мало ли что я говорил, да и не говорил я этого вовсе, только думал, – стал оправдываться, непонятно перед кем, Игорь. – Нет, я не собираюсь из-за неё умирать. Я ещё экзамен не сдал... профессору Гольдбергу.

– И правильно, – сказал голос. – Любовь уходит – знания остаются... К тому же, известно ли Вам, сударь, что ваша Лизонька – кукла?

– Как, кукла? – не поверил студент.

– Обыкновенно. Вы глаза её видели? Они же стеклянные.

Да? Как он этого сразу не увидел. Точно! Ещё подумал: где раньше он видел эти глаза. И вот теперь вспомнил: у куклы его младшей сестры. Это была большая фарфоровая кукла с золотыми локонами и огромными голубыми глазами, которые всё время наблюдали за Игорем и моргали. Как живые. И от этого ему было не по себе. Следит, зараза. И вот однажды, пока сестра была в садике, он вместе с другом Павликом решил распотрошить игрушку. Ему хотелось узнать: живые у куклы глаза или всё-таки нет.

Да, тогда ему здорово влетело от родителей. Ещё бы! Истошный крик его сестры, вернувшейся из садика, когда вместо своей красавицы Вари она увидела кучку из колотых глиняных ручек и ножек, пучка золотистой пакли и двух белых шариков-глаз (это всё, что осталось от несчастной куклы) потряс весь дом. Зато Игорь теперь точно знал: глаза у куклы не живые, а стеклянные. И ему стало спокойнее.

Так значит Лиза – кукла?! Вот это сюрприз! И он собирался из-за этой фарфоровой красавицы лишиться себя жизни. Ну, уж нет! Он вытянул ноги, распугав подкрававшихся к нему крыс.

– Что, жрать захотели? – теперь ему стало ясно – чем они, гады, питаются.

Нога хоть и болела, но встать на неё всё-таки было можно. Значит, перелома нет! Уже хорошо. И Игорь взялся снова соорудить разрушенную после своего падения пирамиду. Он больше не обращал внимания ни на тяжёлые шаги, раздающиеся за спиной, ни на треск, стук, царапание, долетающие то из тёмного подземелья, то с хоров, где некогда стоял орган, то из-под кучи спрессованного мусора. Он работал, как заведенный, не думая уже ни про Лизу с Гольдбергом, ни о явившейся за ним Тревоге, ни о театре. Ему просто хотелось жить. Очень. Он землю будет грызть, а вылезет из этой чёртовой западни, в которую сам же и залез.

Но боль всё-таки давала о себе знать. Попробовав еще одну попытку дотянуться до окна, он понял – не получится. И, обхватив голову руками, тупо уставился в одну точку. Ну, должен же быть какой-то выход. Должен!

Тем временем стемнело. Очертания многочисленных арок, перекрытий на фоне багровеющего неба смотрелись зловеще. Уже и пол было почти не видать. И только из того места, куда безучастно смотрел Игорь, робко полз тоненький лучик. Он буквально таял на глазах. Но ещё пока совсем не исчез, Игорь побежал по нему, даже не чувствуя боли, как по нитке, брошенной ему неведомым хозяином собора. Эта нитка привела его к противоположной стене, где на уровне колен зияло небольшое отверстие. Пролезть через него было невозможно. И Игорь, просунув в него, насколько было возможно, голову, стал истошно кричать:

– Помогите! На помощь!

Но никто его не слышал. Поздно уже... Но он, навалившись на холодную грязную стену, всё продолжал и продолжал орать и плакать, не стесняясь слез..

– По-мо-ги-те!

И упал... На траву! С наружной стороны стены. Вместе с вывалившимися вместе с ним кирпичами. Живой! Целый! Не считая мелких ушибов, царапин и распухшей ноги. Но это всё ерунда, пустяки!

– Я живой! – кричал он, размазывая грязными руками слезы. – Живой!

Но как он, далеко не богатырь, смог пробить стену? Вот это воля к жизни! Фантастика! Игорь взял один из валявшихся на траве кирпичей. Он был сырой и рыхлый, совсем не такой, как там, внутри собора. Рядом с дырой в стене на деревянном поддоне стояли пирамидкой точно такие же кирпичи. И корыто с засохшим цементом.

Так вот в чём дело. Это просто местные реставраторы собора не успели до конца заделать дыру в стене. И Игорь был очень им за это благодарен. Ведь, по сути, местные халтурщики спасли ему жизнь. Спасибо, ребята!

Игорь посмотрел на часы. Было без четверти восемь. Он ещё успевал на репетицию.

Прогулка с философом

– Вам помочь? – Перед Игорем стоял сутулый худощавый старик в широкополой треугольной шляпе и сером плаще. Он протянул ему руку в белой матерчатой перчатке, в другой же сжимал тонкую трость.

– Как вас зовут, сударь?

– Игорь, – хотел сказать Игорь, но почему-то произнес, – Ансельм.

Чего ему вздумало так назваться? Непонятно. Сказок, видать, начитался, своего любимого Гофмана. Или заточение в соборе на него так странно подействовало?

– Да? – обрадовался старик. – Очень приятно. Знал я одного Ансельма. В молодости. Учил его уму разуму. Это случайно были не вы?

– Нет, – ответил Игорь. – Я учился в школе. Самой обыкновенной.

– А сейчас, где продолжаете учёбу? – стал пытаться его старик.

– В университете.

– Да? Что-то я вас не припомню...

– А кто вы? – тут уже удивился Игорь.

– Что ж вы, сударь, своего ректора не узнаете? – засмеялся старик и галантно раскланялся.

– Пал Петрович? – совсем растерялся студент. – Я вас и не узнал... Тем более в таком странном (Игорь хотел сказать дурачком, но постеснялся) виде.

– В каком таком виде? – не понял старик. – Ну да, может, камзол действительно несколько длинноват и слишком заужен. Я в нём выгляжу полным дураком. Но вы знаете – лучше быть дураком по моде, чем дураком не по моде. – И снова хрипло хихикнул. – А вот вам надо бы переодеться. Ужасно не люблю неопрятных людей. Пойдемте ко мне. Я живу тут недалеко, на Принцессинштрассе. Возле замка. Лампе вам поможет привести ваш наряд в надлежащий вид.

– Кто? – переспросил Игорь

– Лампе. Мой слуга. Бестолковый, правда, но я уже привык к нему. Тем более, глупость – недостаток, против которого, увы, нет лекарства. Остается только мириться и терпеть.

Разговор приобретал какой-то сюрреалистический оттенок. Но Игорь не стал спорить с сумасшедшим стариком. Тем более, он действительно нуждался в помощи.

Однако, поднявшись с травы, даже опершись на предложенную ему руку, Игорь ощутил жгучую боль.

– Нога... – простонал он.

– Что, болит? – посочувствовал незнакомец. – Где?

– Вот, – показал Игорь на распухшую под коленом икру.

– Вы верно, сударь, артерию передавили, – сказал старик. – Надо бы её помассировать. И не спорьте. Я немного в этом деле смыслю. Сам, знаете ли, от этих подвязок страдаю. Чулки, их просто невозможно носить без этих, будь они не ладны, лент... сползают. Но как они впиваются в ноги, вы бы знали! Невыносимо. Так перетягивают артерии. Никакого кровотока. Но я придумал хитрое приспособление, как ленты можно время от времени ослабить. Вот, видите? – и он вынул из кармана часы, от которых тянулась внутрь панталон длинная пружина. – С помощью этого нехитрого приспособления я регулирую натяжение подвязок. Очень удобно. Рекомендую.

Игорь не стал ничего возражать. Лучше подыграть странному человеку, вырядившемуся в нелепый маскарадный костюм. К тому же, ему действительно нужна была помощь, а кто кроме этого доброхота ему её здесь окажет. И опершись на плечо маленького, но достаточно крепкого для своих лет старика, он заковылял в сторону реки.

И в это время раздался тяжёлый протяжный звук колокола. Игорь невольно поднял голову вверх и ахнул.

Собор был абсолютно цел. Будто и не бомбили его вовсе. С башней, флюгером и даже часами, которые показывали четыре часа по полудню.

– Как вы точны, господин профессор, – сказал, подошедший к ним пожилой человек, одетый также нелепо разве что поскромнее. – По вам можно сверять часы на башне собора.

– Да нет, – возразил профессор, – это я хотел убедиться, что мои часы идут правильно и соответствуют официальному немецкому времени.

– Что ж, господин профессор, выходит, мы оба получили нужную для нас информацию. И ваши, и наши часы идут верно... – сказал незнакомец и раскланялся.

– Что это? Куда я попал? В какую влип историю? – Игорь был в полном недоумении. И вообще – реален весь этот мир или всего лишь плод воображения? – Похоже, я заблудился во времени и пространстве...

Он похлопал себя по щекам, надеясь, что это поможет ему вернуться в реальность. Но ничего не изменилось. Игорь даже почувствовал резкий неприятный запах пота от своего странного спутника. Куда уж реальнее. И теперь, стараясь не думать о том, как ему выбраться из этой истории, стал с любопытством рассматривать попадающиеся им на пути дома. Некоторые даже очень знакомые. По картинкам, естественно, потому как в той, другой жизни, от них ничего уже не осталось. Даже от королевского замка, который прикончили прямо на глазах Игоря.

Из 326 аудитории, где он преимущественно слушал лекции, было хорошо видно, как здоровенная чугунная «баба» кромсает то, что чудом устояло даже от разрывов бомб, и никак не может справиться с этой непростой задачей...

Впрочем, профессор вёл его вовсе не к замку, а в прямо противоположную сторону.

– А куда мы идём? – спросил студент забавно шагающего рядом с ним старика, который прежде чем поставить ногу на землю, как бы ошупывал пяткой то место, куда затем осторожно ставил всю ступню. Наблюдать за этим было очень забавно. Однако никто, из встречающихся им на пути, не смеялся, а, напротив, вежливо, с почтением раскланялся с профессором. А один богато одетый молодой человек, поравнявшись с ним, вынул из внутреннего кармана массивные золотые часы, и стал подводить на них стрелки. Потом, повернувшись к своему собеседнику и щёлкнув пальцем по циферблату хронометра, громко, чтобы его услышал старик, произнёс:

– Ну вот, Фриц, представляешь, на десять минут опаздывают. А я за этот «Брегет» такие деньги отвалил. Вот вам и Швейцария. Никому доверять нельзя, кроме как нашему почтенному профессору. – И, приподняв шляпу, отвесил поклон.

Всё это время старик молчал и только громко, как лошадь, вдыхал раздувшимися ноздрями не такой уж приятный для нормального носа, а если сказать по-честному, смрадный воздух, в котором перемешались запахи навоза, тухлой рыбы и затхлой речной воды. Но, похоже, это не очень-то его беспокоило, привык. Он о чём-то сосредоточенно думал и, казалось, совершенно не обращал внимания на ковыляющего рядом с ним студента.

И только когда путники дошли до стен крепости (Игорь сразу узнал её по четырем уцелевшим с войны башням – сам не раз лазил здесь), старик повернулся к нему и тихо произнес:

– Мы идём по тропе...

– По какой такой тропе, – не понял Игорь.

– По моей философской тропе...

– Да, но вы же обещали отвести меня к себе домой, чтобы я мог привести себя в порядок, – стал жалобно канючить студент. – К тому же, у меня очень болит нога. Мне тяжело идти за вами. Мне больно!

– Больно? – старик с удивлением взглянул на Игоря. – Вы, молодой человек, не знаете, что такое боль. – И снова зашагал в сторону крепости. На щеках его выступил, не свойственный людям его возраста, румянец. Похоже, он даже помолодел, а в его серо-голубых глазах заиграли чёртики.

– Что значит, не знаю, когда я её чувствую, – семена рядом с профессором, продолжал причитать Игорь.

– И не в состоянии вытерпеть? А ведь это ничто по сравнению с душевным страданием. – Старик снова остановился и пристально посмотрел на Игоря.

– Почему, я тоже в своей жизни испытал душевные муки. Да, не верите? – не дав своему оппоненту возразить, произнес студент. – Даже хотел жизни себя лишиться...

– Стоит ли подвергать себя такому испытанию из-за какой-то юбки? – старик снисходительно улыбнулся.

– Как вы догадались, что из-за юбки? – удивился юноша.

– Ну а какие ещё душевные страдания могут быть в вашем возрасте?

И помолчав продолжил тихим голосом:

– Молодой человек, не переживайте вы так. И физические, и, тем более, душевные страдания – это только стимул для нашей деятельности. Именно в страдании мы чувствуем жизнь. Без этих страданий наступило бы состояние безжизненности. Вы меня понимаете?

Да, Игорь его понимал. Очень хорошо понимал. Раз ему больно, и он ощущает эту боль, значит, он существует! И не важно, в том или в этом мире. Главное, что он живой! Уже хорошо! Но страдать ему не хотелось. Особенно физически страдать.

– Так вы меня отведёте к себе домой?

– Отведу. Вот дойдём до того угла, – старик поднял трость, указав ею на излучину реки, – и повернём обратно.

– А зачем туда идти? – искренне удивился студент. – Можно ведь и здесь повернуть. Там мы всё равно через речку не перейдём. Моста-то нет.

– Потому что я не могу нарушить максимум? – чеканя каждое слово, произнёс профессор.

– Что?

– Максимум, неужели не понятно? Правило.

– А кто его придумал, это правило?

– Я.

– И что, вы не можете нарушить то, что сами же выдумали?

– Не могу. Потому что теперь эти максимумы мне не принадлежат.

– А кому они принадлежат?

– Народу. Гражданам нашего города. Я не вправе нарушить тот уклад, который сам же и завёл. Все в городе знают: во сколько часов я выхожу из дома, когда подхожу к Кафедральному собору, когда буду у Фридрихсбургской крепости, во сколько отопью кофею.

– И что, ничто не может нарушить этот ваш уклад?

– Почему же, может...

– Что?

– Смерть.

Игорь с изумлением смотрел на своего спутника. Да, ему этого было не понять. Сколько раз сам он опаздывал на лекции, занятия, даже на свидания с той же Лизой, объясняя это тем, что трамвай плохо ходят, или тем, что забыл свой проездной, или, совсем уж нагло, просто проспал. Ему и в голову бы не пришло переться пешком от университета до двухъярусного моста. А потом ещё и обратно. Хотя, в общем-то, это не так и далеко. Тем не менее, когда профессор предложил ему выпить вместе с ним чашку кофе в уличной кофейне – с радостью принял это предложение.

Похоже, их здесь уже ждали. Столик, за который они сели был накрыт чистой белой скатертью, а на стуле лежала мягкая расшитая подушка.

Мимо них пробежала, сделав на ходу книксен, дочка хозяина, быстрая и хорошенькая. Старик проводил её долгим взглядом, пока она не исчезла в подсобной комнате. Было заметно, что ему приятно на неё смотреть.

– Значит, говорите, вы страдали, – снова заговорил старик. – И кто же та кукла, которая вскружила вам голову и разбила сердце?

– Почему вы решили, что она кукла?

– Ну а кто же ещё? Чем она вам приглянулась? Умом? Вряд ли. Только кукольными глазками, розовыми щёчками и... вашим неуёмным желанием обладать ею. Увы, в нашей природе заложено тяготение к заведомо пустым желаниям. Но жизнь людей, преданных только наслаждению, без рассудка и без нравственности, не имеет никакой цены.

– Где-то я уже это слышал. – Игорь демонстративно зевнул. – А вам не кажется, уважаемый профессор, что ваши нравоучения лишают жизнь главного – смысла. По-вашему и любовь – пустые желания? Но вы же сами, только что откровенно любовались дочкой трактирщика. И не отпирайтесь, я видел.

– Да, любовался, потому что она красива. А красота сама по себе составляет предмет удовольствия. Но в отличие от вас, я не стану с нею любезничать...

– Почему?

– Потому что я немец, а не француз. Любезничание – это их основа жизни. Я же предпочитаю видеть в женщине не капризного ребёнка, а друга, с кем можно было бы образовать единую моральную личность.

– То есть семью.

– Да.

– И какими качествами должна обладать женщина, чтобы понравиться вам? Быть умной, начитанной, музицировать на клавикордах? Петь?

– Вовсе не обязательно. Общее образование ей, конечно, не помешает, но необходимы и специальные знания, соответствующие её обязанности матери и хозяйки. Хорошо было бы, чтобы молодым девицам преподавали поварское искусство учёные повара точно так же, как танцмейстеры преподают им танцы. Думаю, что первое даже важнее. Согласитесь, всякий муж предпочтёт хорошее блюдо без музыки, музыке без хорошего блюда. И уж, боже, избавь меня от учёных женщин. Они пользуются книгами примерно так же, как своими часами: они их носят только для того, чтобы показать, что у них есть часы, хотя обычно часы эти у них и не ходят.

Откровения старика поразили Игоря. Такого потребительского отношения к женщине он никак не ожидал услышать от философа. Чем же он отличается от простого бургера?

– А вы сами-то женаты? – спросил он своего собеседника.

– Когда мне могла понадобиться женщина, я был не в состоянии её прокормить, а когда я был в состоянии её прокормить, она уже не могла мне понадобиться, – сказал он и грустно улыбнулся.

– Но вы хоть любили кого-нибудь? Когда-нибудь? Когда были молоды, как я?

– Вы ждете от меня откровенности? – старик пригубил чашку с кофе. – Но её не будет...

– Почему?

– Потому что люди бежали бы друг от друга, если бы они видели один другого в полнейшей откровенности.

Он снова отхлебнул из чашки.

– Любовь... А что есть любовь? В основе очарования, которое оказывает на нас прекрасный пол, лежит половое влечение. Природа преследует свою великую цель, и все тонко-

сти, которые сюда присоединяются, и, на первый взгляд, весьма далеки от полового инстинкта, в конце концов, являются лишь его подкрашиванием...

– Ну, зачем же вы так грубо, прямолинейно. А ещё – философ.

– Зато честно, – сердито буркнул старик. – Да, половой инстинкт – чувство весьма грубое, но «презирать его» – нет ни малейшего основания, потому что этот инстинкт делает возможным саму жизнь. Он стоит на страже порядка природы.

– И что же, вы, философ, отрицаете саму любовь? – не сдавался Игорь. – Выходит, и тот молодой человек, который страдает от безответной любви, а сердце его рвётся на части, и вон, тот морячок, лобызаящий продажную красотку, в конце зала, испытывают одни и те же чувства?

– Почему же... Я этого не утверждаю. – Да, есть высшая форма любви и низшая. Хотя обе они имеют общий источник. Любовь, основанная только на половом влечении, легко вырождается в разнузданность и распущенность, потому что огонь, зажжённый в нас одной особой, весьма легко может быть погашен другою. Но это может произойти и с тем, кто уверен, что любит возвышенно. Вот, разве вы, не заинтересовались той юной трактирщицей, которая вас только что обслужила. И угостила кофе. Вы смотрели на неё совсем не так, как я. Я только любовался её красотой, а вы, вы желали её. Я видел. А как же тогда та, ваша пассия, из-за которой вы собирались покончить с жизнью?

– Её больше нет...

– Умерла?

– Да, то есть, нет. Для меня умерла. Понимаете, всё это время я любил не настоящую девушку, а фарфоровую куклу со стеклянными глазами.

– И как же вы это узнали? Вы, что, её разбили? Вынули у неё глаза? Сердце? Как?

Игорь молчал. Да и что он мог ответить сидящему напротив него старику? Что какой-то таинственный голос в разрушенном соборе сообщил ему эту страшную тайну?

– Так это ж вы мне и сказали, – вдруг нашёлся он. – Только что. Забыли? Так и сказали: «Кто та кукла, которая вскружила вам голову и разбила сердце?»

– Ну, мало ли что я сказал. Я много чего и говорил, и писал. Нельзя верить всему на слово.

– Даже вам?

– Даже мне.

– И вы не боитесь быть опровергнутым?

– Этого опасаться нечего. Опасаться следует другого – быть непонятым.

В это время в трактир вбежал запыхавшийся слуга и, приблизившись к столику, за которым сидел профессор, выдохнул:

– Слава богу, я вас нашёл.

– А в чём дело?

– Барометр, сударь, падает. Похоже, скоро будет дождь, а вы без зонта.

– Полноте, Лампе, взгляните на небо, там ни облачка.

– А я привык делать свои заключения не на априорных суждениях, а на научных знаниях, подкрепленных опытом, – вдруг разродился длинной тирадой слуга и положил на стол массивный зонт.

– Что? – добродушно засмеялся, но не удивился профессор. Похоже, такие пассажи слуги ему были не в новинку. – Да вы, Лампе, философ! И в своих суждениях пошли дальше меня. Может, вам и кафедру предоставить?

– Может быть, а то, сударь, вы и так слишком много моих заключений выдаете за собственные. – И тут он заметил сидящего за соседним столиком молодого человека, который был явно чем-то расстроен и топил своё горе в большом гранёном бокале.

– Взгляните, – Лампе указал толстым крючковатым пальцем на захмелевшего юношу. – И этот здесь! Как его только пустили?

– Лампе, – возмутился старик, – веди себя прилично. Тебя разве в детстве не учили, что нельзя показывать на людей пальцем.

– Не беспокойтесь, профессор, я достаточно воспитан, чтобы считать себя, как вы некогда изволили выразиться, человеком. А вот ему прилично компрометировать людей своим мерзким присутствием? Я б на его месте, после того, что он натворил, вообще бы из города уехал.

– Полно, Лампе, о чём это ты?

– А вы что, профессор, не знаете эту историю. Да о ней весь город судачит. Вы, конечно, слыхали о Доре Хатт, жене нашего почтенного пивовара Иоганнеса. Того самого которого, помните, облили из ночного горшка, когда он ночью возвращался из клуба. Тогда ещё все смеялись, что или горшок был золотой, или его содержимое, потому как после этого неприятного случая дела у Иоганнеса пошли в гору. И он даже смог взять учителя музыки для своей милой супруги.

– Да, да, что-то припоминаю. Ещё этот, как его, Фридрих Энгельгард, тогда пошутил у меня за обедом, мол, под какими окнами гулял Иоганнес? Дескать, он тоже не прочь получить такой освежающий душ, если это, конечно, принесёт ему такие же доходы, как достопочтимому пивовару.

Похоже, старика развеселил весь этот рассказ, и он даже рассмеялся.

– Так вот, – продолжил Лампе, – этот жалкий музыкантишка умудрился влезть в доверие к господину Иоганнесу и под предлогом занятий музыкой скомпрометировал бедную Дору, жену пивовара. Вы, профессор, понимаете, о чём я говорю?

– Нет, не понимаю, и не хочу об этом и слышать, – разозлился старик. – Зачем слушать сплетни, тем более, распространять их.

Он продолжал отчитывать слугу, но Игорь уже его не слушал, а с нескрываемым любопытством стал рассматривать молодого человека, о котором столь нелестно отозвался Лампе.

Откровенный разговор

Неужели это он – Эрнст Теодор Амадей? Впрочем, может, ещё и не Амадей, но, уж точно – и Эрнст, и Теодор. Игорь его узнал. По длинному горбатому носу и буйным, выющимся мелким бесом смоляным кудрям. Ведь об этой скандальной истории, вынудившей бедного Теодора покинуть Кенигсберг, он кое-что знал из прочитанного предисловия к книге великого сказочника. Про какой-то глупый нелепый роман бедного учителя музыки к своей способной ученице, ну прямо, точь-в-точь, как в той куртуазной книжке «Опасные связи», которую ему подсунил проживающий с ним в одной комнате общежития друг Колька. Зачем он это сделал? А дело в том, что его подруга, Лариса, училась на филфаке, на кафедре зарубежной литературы. Ну, а что должен делать студент такого факультета? Правильно, читать книжки. Но список программной литературы был столь велик, а времени до экзаменов так мало, что Лариса уже не успевала всё одолеть. И тогда Колька уговорил товарищей по комнате прочесть по два-три произведения из этого бесконечного списка. А вечером, под чай или что погорячее, они рассказывали не самой усердной студентке филфака содержание прочитанных романов. Ну, прямо «шехерезада» какая-то. Так Игорь и познакомился с историей, в которой фигурировала и юная богатая воспитанница монастыря, и влюбленный в неё молодой преподаватель музыки, и виконт-сердцеед, так запросто сменивший на любовном ложе своего предшественника. Господи, у них что там, всё происходило под копирку, подумал ещё тогда Игорь. Ну, разве что с небольшими отклонениями, когда вместо юной неопытной воспитанницы монастыря появляется опытная и далеко не юная мать-героиня пятерых отпрысков. А в остальном всё точно так или почти так: классический сюжет про тайную любовь ученицы к своему учителю. Так, мелкий случай из жизни выдающегося писателя. Ранние годы. Его то и в предисловии упомянули лишь потому, что этот скандал вынудил Теодора покинуть родной город. Ну, было. Велика трагедия...

Однако, глядя на сидящего за соседним столиком молодого человека, Игорь понял, что – велика. И ему захотелось утешить горемыку. Тем более, что Игорь-то знал, пусть и в сокращённом виде, что там с Эрнстом произойдёт дальше.

– А, Ансельм. Что смотришь? Смешон Теодор? Да? Весь город потешается. Тоже мне герой-любовник. Не смог защитить ни свою честь, ни честь своей возлюбленной.

Он обращался к Игорю, как к закадычному приятелю, ничуть не смущаясь его. Да и чего, собственно, было стесняться, по возрасту они были ровесниками, если не считать каких-то двух столетий, разделявших их во времени и пространстве, но в уютной кофейне, пропахшей душистым кофе, корицей и свежими ванильными булочками, этого не чувствовалось.

– Мне бы надо было этого Иоганнеса вызвать на дуэль, – продолжил свой монолог молодой человек. – Но как? Я думал, что после всего, что открылось, он сам это сделает. И тогда всё бы разрешилось. Или я, или он. Но он даже в этой ситуации умудрился унижить меня, выставить на посмешище: пригласил продолжить занятия с его супругой, мол, они действуют на неё благотворно. Он не считает меня мужчиной. Мерзавец! – Теодор снова налил в бокал вина и с нескрываемым любопытством стал рассматривать Игоря.

– А как ты сюда попал? – вдруг спросил он, – Я же тебя запер в стеклянной банке? Ты что, выбрался оттуда? Убежал? Молодец! – и сделав еще один глоток, продолжил:

– Мне тоже надо бежать из этого проклятого города. Тут невозможно жить! А любить и подавно. Ты чувствуешь, как здесь воняет?

– Да нет, вроде не воняет, – возразил Игорь. – Наоборот, очень приятно пахнет.

– Это ты принюхался. – Молодой человек сморщил свой длинный нос и стал театрально водить им в разные стороны.

– Воняет! – заключил он. – Здесь даже мочу выливают из ночных горшков на головы прохожих. Впрочем, некоторые от этого только выигрывают.

– Господин следовательно, нельзя ли потише, вы нарушаете порядок заведения, – обратился к Теодору хозяин кофейни.

– Вот, Ансельм! Ты видишь? Мне уже рот затыкают. Да разве только мне? Всем, кто имеет собственное мнение. Знаешь, какое у нас самое употребляемое слово? «Молчать!» Вот это и есть наш достопочтимый город! Где употреблять пищу, пить, разговаривать, петь песни можно только согласно предписаниям. У нас даже Прегель из берегов может выйти только в соответствии с полученным на то разрешением. Ты слышал, чтобы где-нибудь преступников перевоспитывали с помощью хорового пения? Нет? А у нас – да. Ежедневно заключенные нашей городской тюрьмы по несколько часов кряду воют хором божественные псалмы, повергая тем самым в ужас жителей близлежащих домов. Вряд ли от этого арестанты становятся благочестивее, зато за свои старания могут получить от сторожа тюрьмы свидетельство о своей богобоязненности. А это уже документ! Индальгенция! Вот они и стараются переорать друг друга, распугивая добропорядочных граждан.

Они ещё выпили.

– Ты знаешь, Ансельм, какой раньше это был город? Вольный! Красивый! Какие здесь устраивались гуляния. Ты что-нибудь слышал про Праздник длинной колбасы или про День толстой булки? А про Ночь бездонного пивного бочонка? Нет? Не слышал? И не услышишь! Потому что их уже больше нет. И не будет. Теперь это – блажь и причуда. Теперь все шествия хоть с колбасой, хоть без неё считаются пустой тратой времени. По мнению наших отцов города они только служат соблазну. А мы теперь проповедуем сдержанность и умеренность. На людях, конечно. Потому как там, куда простолюдинам вход воспрещен, и пируют, и гуляют наши достопочтимые отцы города, не жалея ни средств, ни живота своего.

– Да, Ансельм, не в то время мы с тобой родились, – снова продолжил свой монолог Теодор. – Ведь было время, когда никому и в голову не пришло бы осудить человека за любовь, даже к замужней даме. Тем более, если эта дама сама воспылала к тебе любовью. Или, может, уже отпылала? А? Нашла себе другого воздыхателя, поумнее. Нет, не поумнее – покрасивее. Ну, в самом деле, Ансельм, зачем ей любить урод, над которым все смеются. Вот над тобой кто-нибудь когда-нибудь смеялся?

– Смеялся, – смущенно сказал Игорь, – и не раз: когда в студенческой столовой я уронил поддон с нарезанным хлебом в чан с борщом. Повариха тогда грозила всю кастрюлю испорченных щей мне на голову вылить. Или когда на лабораторной по химии палец в змеевик с реактивами засунул, а вытащить не мог. Так и простоял всю пару, пытаюсь извлечь его из злополучного отверстия. Или когда на картошке шутники заперли меня в деревянном нужнике. И я, пытаюсь вышибить дверь, повалил всю хлипкую конструкцию... Так там внутри нужника и просидел, пока меня из него не вытащили. Или...

Но Теодор перебил Игоря.

– Выходит, мы с тобой, Ансельм, родственные души. Но знаешь, я понял, что надо делать. Лучше самому смешить, чем быть смешным. Ты понял меня, Ансельм? Я хотел стать великим композитором, повторить славу Моцарта. Но кому здесь нужен Моцарт? Ты знаешь, что его «Дон Жуан» в нашем славном городе провалился. Да, да! У музыки, написанной самим Великим Канцлером, нашлось два или три истинных почитателя. Причём один из них – я. Остальным эта музыка неинтересна. Да и что им Моцарт, когда у нас каждый сам себе – великий музыкант, и не важно, что сии «великие музыканты» не попадают в ноты. Те, кто их слушает, этого не слышат. Вот это и есть, Ансельм, истинные ценители искусства. Так, если им Моцарт неинтересен, то зачем я им нужен? И это, друг мой, что касается музыки, где надо все же хотя бы нотную грамоту знать. А уж что у нас на литературном фронте творится... Пишут все, кому не лень: в газетах, журналах, альманахах, на худой конец, в альбом какой-нибудь

экзальтированной фрау. Ты знаешь, Ансельм, что у нас даже бургомистр и тот романы сочинял, инкогнито, пока не помер. А философы! О! Здесь все философы. Куда ни плюнь. С каким упоением каждый из них отстаивает своё «Я». Если его даже и нет. На лекциях профессора Канта яблоку негде упасть. Очередь. Спится на них, правда, замечу, очень сладко. Даже стоя. Я сам раз сходил и, признаюсь, неплохо выспался. Хотя профессор, конечно, человек большого ума, но я, честно признаюсь тебе, Ансельм, ни черта в его тезах и антитезах не смыслю.

– Так о чем это я, Ансельм, – снова отпив из безразмерного бокала бургундского, продолжил молодой человек. – Ты видишь, что обстоятельства складываются таким образом, что смеяться следует, отнюдь, не надо мной, а вместе со мной. Что ж, посмеемся!

С этими словами Теодор попытался встать из-за стола, но как-то неловко. Тяжелый дубовый стул, на котором он сидел, с грохотом упал на каменный пол, у него отвалилась ножка. Теодор этого даже не заметил и направился к выходу. Но тут же к молодому человеку подлетел хозяин кофейни и, схватив его за шиворот, произнес:

– А за стул кто платить будет? Он мне достался ещё от моего деда! Ему цены нет...

– Да он уже у вас был сломанным, – стал возражать Эрнст-Теодор. – Видите? Вот же следы от старого клея. Да этому стулу давно пора на помойку.

Но трактирщик был неумолим и не отпускал молодого человека.

– Не кричите вы, я заплачу за него. – Из-за соседнего стола поднялся пожилой крупный мужчина с уже заметным животом в офицерском мундире и протянул трактирщику два талера.

– Маловато будет, – стал тот набивать цену.

– Что? – возмутился офицер, хватаясь за шпагу. – Я тебе сейчас за два талера тут все стулья переломаяю, каналья! Да еще полицию вызову, чтобы они разобрались, почему ты благородных людей разбавленным пивом поишь.

– Что вы, – испугался трактирщик. – Всё в порядке. Марта, принеси господину две кружки пива.

– Я не заказывал, – офицер снова повысил голос.

– Это за счёт заведения! – трактирщик скривил кислую улыбку.

– Тогда три кружки, – скомандовал человек в мундире. – Я хочу угостить своих друзей. Не возражаете?

– Нет, что вы, – трактирщик продолжал виновато улыбаться. – Марта, принеси три кружки пива.

– Разрешите представиться, – обратился к молодым людям их спаситель, – Карл Фридрих Иероним. Для друзей просто Карл.

– Эрнст Теодор Амадей. Для друзей просто Эрнст. Или Теодор.

– Ансельм, просто Ансельм.

Тем временем на столе появилось три глиняных кружки с пивом.

– Ну, за знакомство!

Все трое чокнулись.

– А скажите, Карл, что вас заставило выручить меня? – спросил Эрнст. – Мы же с вами даже не знакомы.

– Не знаю... Может, совесть... Представьте себе, она бывает и у военных, – Он выждал паузу. – Я узнал вас, Теодор. Вы слишком громко говорили, и я невольно, простите меня великодушно, подслушал ваш разговор. Да, вы наделали слишком много шума в обществе. О вас многие судачат. В моей жизни было нечто похожее на вашу историю. Только наоборот. Я был женат. Не то, чтобы очень любил свою жену, она просто была всегда рядом. Тихая, незаметная, покорная. А потом я узнал, что у неё есть любовник. И как подобает офицеру, вызвал его на дуэль. Она умоляла меня пощадить его, клялась, что никогда больше не взглянет в его сторону, что это была минутная слабость. Но я был неумолим. Господи, что это был за соперник:

маленький, щупленький, сражаться с таким – ниже собственного достоинства. Но я всё-таки стал с ним драться.

– И? – Теодору не терпелось скорее узнать развязку.

– Убил его. – Карл тяжело вздохнул. – Ну а что делать? Так уж случилось. Вы бы видели, что после той дуэли случилось с моей женой. В считанные дни она из красивой статной дамы превратилась в безжизненную сморщенную старуху. Она сохла на глазах. И я не знал, как ей помочь. А тут началась война. Я даже обрадовался ей. Дома оставаться было невыносимо. К тому ж, я надеялся, что война позволит улучшить наше сильно пошатнувшееся материальное положение. Ведь я хорошо помнил, что говорил наш достопочтимый король Фридрих: «Если вам нравится чужая провинция, и вы имеете достаточно сил – занимайте её немедленно. Как только вы это сделаете, вы всегда найдете достаточное количество юристов, которые докажут, что вы имеете все права на занятую территорию». Вот и я, окрыленный его обещаниями, надеялся добыть себе, нет, даже не себе, а ей какой-нибудь солидный удел российской земли, надеясь, что это развеет её хандру. Но вышло всё наоборот. Кёнигсберг мы сдали позорно. Даже без боя, оставив не только свой скарб, но и своих родных. А когда спустя пять лет, когда русские также позорно вернули нам город обратно, я помчался в Кёнигсберг, надеясь отыскать свою жену.

– И? – снова спросил Теодор. – Нашли?

– Нашёл. На городском кладбище. Родные передали мне шкатулку жены с письмами от её любовника. Сверху лежал конверт, предназначенный мне. На нём было начертано её рукой: «Карлу Иерониму. Вручить после моей смерти». Я распечатал конверт. Там было написано всего одно слово: «Проклинаю!»

Карл потёр руками лицо, как бы снова возвращаясь в то время.

– Наверное, я всё-таки зря его убил, – помолчав, сказал он. – Надо быть более великодушным. И встал из-за стола.

Все трое вышли на улицу.

– Темень какая, – выругался Карл. – Я, кажется, уже во что-то вляпался. Ни одного фонаря не горит. Куда только отцы города смотрят?

– Как куда, достопочтимый Карл, не иначе, как в ваш карман, – съязвил Теодор. – Надеюсь, там не только два лишних талера заваялось. Да, друзья мои, хотите, чтоб в городе светло было – раскошелитесь. Наши отцы города – люди очень расчетливые, они готовы нести людям свет, даже фонари для этого поставили, только расходувать на их содержание казенные деньги не спешат. Вот и придумали одну умную вещь – сдавать уличные фонари в аренду.

– Кому? – не понял Карл.

– Как кому, городу. Точнее, горожанам. Хотите, чтобы фонари горели – платите за свет.

– Похоже, по тому, какая на улице темень, никто особо не спешит платить, – засмеялся Карл. – Талеры берегут.

Идти в потёмках было не просто, хоть путники и старались угадывать направление движения на ощупь.

– О, я его узнал, – вдруг закричал Игорь. – Ты смотри, даже запах тот же. Надо же, сохранился!

Он хотел войти в знакомый дом, но тяжёлая кованая дверь была заперта. Поздно уже. Мало ли кто по ночам шляется. Игорь сел на крыльцо, как тогда, в будущем. Где его, окочневшего, и нашли...

Это был День рождения. Его День рождения. И готовился он к нему основательно. Привез из дома кучу варений, солений, которые летом помогал заготавливать родителям. Вытащил из-под кровати старый бобинный магнитофон.

– Куда ты его тащишь, – пыталась отговорить его мать. – И не лень такую тяжесть везти.

Но ему было не лень. Потому что там на этой бобине была запись самой любимой его песни. Про любовь, естественно. И когда все в общаге соберутся на его День рождения, он включит её. И пригласит на танец Лизу. В такой день она не может ему отказать. И вот тогда, когда она будет в его руках, когда сольются их дыхания, он и признается ей в своих чувствах. Да, да, это будет самый подходящий момент. Решено!

Но... когда зазвучала любимая мелодия, и он с выпрыгивающим из груди от волнения сердцем подошёл к Лизоньке, чтобы пригласить её на танец, она, часто-часто заморгав длинными ресницами огромных серых глаз, капризно произнесла:

– Ой, я устала...

Хотя ещё полчаса назад Игорь предупреждал её о том, что этот танец будет за ним. И она обещала. И не пошла...

Да, это был сильный удар. Но ещё не смертельный. Когда же к Лизе подошёл Валентин и, тряхнув копной золотых волос, вывел девушку в узкий круг комнаты на медленный танец, и та пошла... Игорь почувствовал, как его душа отделяется от брэнного тела и улетает... Схватив куртку, он выскочил на улицу. Было холодно. Но он этого не чувствовал. А просто шёл, неведомо куда. Кончилась жизнь. Что его чувства, кому они интересны? Он всё шёл и шёл по заснеженной улице, которая становилась всё уже, а дома всё меньше. Становилось всё холоднее. Мороз подбирался постепенно. Сначала он стал хватать Игоря за уши, вонзая в них тысячу острых иголок, потом занялся носом и, наконец, впился в виски, сжимая их изо всех сил, так, что казалось, голова вот-вот треснет как перезревший арбуз. Но постепенно холод стал отступать, Игорь почувствовал, как в его тело медленно вползает тепло. Зато идти становилось всё труднее. Игорь подошел к какому-то старинному особняку, над дверью которого белел барельеф неведомого морехода, и, присев на ледяные ступеньки, обхватил голову замерзшими руками. Он не помнил, сколько так просидел, пока из дома не вышла за дровами какая-то сгорбленная старуха в перевязанном крест-накрест шерстяном платке.

– Ведьма, – подумал Игорь. – Сейчас будет кровь мою пить. Ту, что ещё в жилах не застыла.

Ведьма и впрямь подошла к нему и стала что есть мочи трясти.

– Эй, парень, ты живой? Вставай! Замерзнешь! – Игорь не шевелился. Тогда ведьма попыталась поднять его, и это ей удалось.

– Пошли, – сказала она, – я тебя чаем напою.

В комнате было тепло. Горела печка. Старуха развязала платок, сняла телогрейку и оказалась не такой уж и старой. Наверное, зелья выпила, пока Игорь грелся у печки. По крайней мере, из пузатого цветастого чайника пахло не только чаем, но и ещё какими-то странными ароматами.

– Что, несчастная любовь? – спросила женщина и засмеялась. – Не переживай, нужна тебе эта кукла – другую найдешь.

– Почему кукла? – мелькнуло в голове Игоря, но он не стал на этом заикливаться.

Тем более, что спасительница продолжала успокаивать его:

– Лучше иди-ка ты, дрогой, домой. Проспись. И всё пройдет.

Он послушно пошёл обратно в общагу. Вошёл в комнату. Стол был почти пустой, зато гости – сытые и в меру пьяные. Они о чём-то говорили, смеялись, не забывая при этом есть и пить. Кто-то танцевал под его магнитофон, кто-то кого-то тискал. Всем было хорошо. Никто из гостей даже не заметил отсутствия виновника торжества – а что, разве кто-то куда-то уходил?

Но Лиза, похоже, всё-таки чувствовала за собой какую-то вину. Она подошла к Игорю и тихо спросила:

– Ты что, обиделся?

– Нет, – ответил он.

– Хочешь, я тебя в «счѣчку» поцелую? – предложила она и чмокнула в пунцовое от мороза лицо горячими губами.

Игорю хотелось поделиться своими воспоминаниями с Теодором, но тут двери дома открылись. На пороге со свечой в руке стояла та самая старуха. Она посмотрела в их сторону и, прощамкав:

– Поспеши, а то опоздаешь! – растворилась в темноте...

Обитель муз

И тут Теодор вспомнил, куда он собственно должен был успеть. Он нащупал во внутреннем кармане конверт, тот был на месте. В этом конверте лежало главное его сокровище – пригласительный билет в оперу на моцартовскую «Волшебную флейту». И хотя Теодор знал ее всю наизусть, и даже сам сочинил несколько вариаций на главные темы, правда тут же их и сжег – смеет ли он править самого Бога, но такое музыкальное событие пропустить не мог. Спасибо, друг Готлиб достал ему этот драгоценный пропуск в волшебный мир музыки, ведь теперь, когда Моцарта, наконец, официально признали гением, а его песенку Папагено распевали чуть ли не в каждой пивной, весь высший свет Кенигсберга почел за честь присутствовать на этом представлении.

– Бежим, – крикнул Теодор, – нам нельзя опаздывать.

– А где Карл? – спохватился студент. – Ты его не видел?

– Нет, – ответил Теодор.

– Карл! – стали звать приятели своего благодетеля – Карл!

Но в ответ – тишина.

И тут из туч выплыла большая круглая луна, осветив всю улицу. Без Карла. И только по бульжной мостовой медленно тащилась какая-то крытая карета с раскачивающимся зеленым фонарем, а вслед за ней, опустив голову, в тяжелом железном шлеме брел унылый полицейский.

– Нигде нет. Улетел он, что ли – развел руками Игорь.

– На луну, – поддакнул Теодор. – Видишь, то черное пятнышко прямо посередине диска. Наверняка это наш Карл. Уже поди подлетает, если, конечно, его в ту «зеленую Мину» не посадили, – и молодой человек махнул рукой в сторону удаляющейся кареты. – Нас с тобой, между прочим, тоже могли туда упрятать... В тюремной башне мы бы с тобой быстро протрезвели. Да, что с нас взять, голоштаных. А вот с нашего Карла они могут еще не один талер вытрясти. Да, жаль барона.

Глаза быстро привыкли к темноте, тем более, что узкая кривая улочка незаметно сменилась широкой прямой «штрассой». Идти по ней было значительно проще, однако у Теодора и на этот счет было свое особое мнение. Ему были милее старые узкие улочки, по которым, как он выразился: можно пойти в одно место, а прийти совсем в другое.

– Так в этом же вся и прелесть, – убеждал он своего спутника. – А сейчас... Ну что это: старые фахверковые домики носили, прорубили эти никому не нужные прямые проспекты. Гусарам по ним только маршировать на своих кобылах. Да, нашему королю нужны только плацы для парадов и маршей, прощай милый город... Через год-два я вообще тебя не узнаю. Башен нет, ворот тоже. Не город – проходной двор.

Тем временем путники приблизились к Замковому пруду, в котором отражались огни «Обиталища муз». Увы, после того, как умерла его хозяйка Каролина Амалия во дворце все реже и реже звучала музыка. Но иногда все же еще звучала. Подъезжали кареты, оттуда выходили знатные дамы и еще более знатные кавалеры. В большой зале туда-сюда сновали важные слуги, разнося бокалы с вином, так что насладиться музыкой никто особо не торопился, тем более под рейнское, хоть и не самое лучшее было о чем поговорить и что показать. Кто-то демонстрировал блестящие пряжки на своих лакированных башмаках, кто-то слишком усердно размахивал тростью, в изумрудном набалдашнике которой отражались не только мерцающие языки свеч, но и завистливые физиономии, тех, у кого таких набалдашников не было. Какой-то почтенный бюргер уговаривал главного архитектора снести городскую башню, так как она загораживает вывеску в его кондитерскую.

– Поймите, – пытался объяснить ему чиновник, – затраты на снос башни будут больше, чем те камни, которые мы сможем продать после ее сноса. Это нецелесообразно и экономически невыгодно. Разве если вы найдете мне достойного покупателя на эти булыжники.

– Найду, – обрадовался хозяин кондитерской. – Вот вам крест, найду. Только снесите...

– А, Цахес! – Теодор подбежал к высокому худощавому мужчине со смешным хохолком светлых волос на голове, который о чем-то оживленно беседовал с толстым важным господином. Похоже, у них был какой-то деловой разговор, и посторонние уши им абсолютно были не нужны. Поэтому, важный господин быстро раскланялся и также быстро удалился.

– Знакомься, Ансельм! – не обращая внимания на то, что спугнул собеседника, сказал Теодор, – это Цахес, как я его звал в детстве, а ныне известный литератор Захариас Вернер. Не слыхал? Между прочим, Бог. Или почти бог. Помнится, когда мы жили с ним под одной крышей, мамаша его частенько потчевала нас водичкой, которую крошка Цахес превращал в вино. Я правда не могу утверждать, что это было хорошее вино, поскольку ввиду моего малолетства, мне его не давали, но все мои тетушки, и матушка в один голос утверждали, что это был божественный напиток. Вот, Ансельм, какова сила внушения. Что ж ты хочешь – Бог.

– Не паясничай, – прошипел Захариас. – Ты отлично знаешь, что моя мать больная женщина.

– Но это не мешало нам по утрам молиться на тебя всем домом, включая прислугу. Правда, правда, Ансельм. Я не шучу. Его мать уверяла нас, что это – новый Иисус! И я почти поверил... А сейчас, наш славный Захариас хочет всех убедить, что пишет гениальные стихи. Ты только послушай, Ансельм, разве это не гениально:

«Когда тебя, прекрасную, как розу

Пред алтарем увидел я...

Когда я в танце своевольно

Прильнул к твоей груди...» та-ра-ра-ра. Ты можешь представить, Ансельм как можно в танце прильнуть к груди... так ведь не трудно промахнуться и прильнуть к чему-нибудь менее выдающемуся.

– Прекрати, Эрнст. Я сюда пришел не для того, чтобы слушать твои колкости.

– Неужели ради Моцарта? Ты же сам не так давно утверждал, что он бездарность. И что наш обожаемый городской композитор Людвиг Бенда обладает куда большими талантами, чем Вольфганг Амадей. Одна «Луиза» его чего стоит. Шутка ли – тридцать с лишним представлений в одном городе. Бедному Моцарту такое и не снилось. – При этих словах Теодор даже расхохотался. – Вот такой тонкий музыкальный вкус у наших городских меломанов. Вот где проживают подлинные ценители творчества Великого Моцарта.

– Я и сейчас скажу, что его «Дон Жуан» – весьма посредственное произведение, – процедил сквозь зубы Вернер. – Другое дело – «Волшебная флейта». Здесь господин Моцарт проявил некоторые способности и определенное умение. Но я своими принципами не поступлюсь и по-прежнему считаю, что посвящать целую оперу сластолюбцу, человеку без каких-либо моральных и нравственных ценностей, аморально. Будь моя воля, я бы вообще запретил ее исполнение, так как эта опера развращает умы и сознание добропорядочных граждан. Какой пример господин Моцарт, пусть его с нами уже и нет, показывает нашему подрастающему поколению.

– Полноте, Цахес. Ты и впрямь так считаешь? – Теодор театрально всплеснул руками. – Надо же, кого я слышу: живую добродетель, защитника нравственности. Блюстителя порядка. Филистер! – перешел он на крик. – И вот такая добродетель, Ансельм, представь себе, тайно лечится от весьма пикантной болезни. Кто ж тебя ею заразил, Цахес? Не иначе, как святой дух. Ты ж у нас – Бог!

– Мерзавец, – выругался Вернер, – зачем ты распространяешь грязные сплетни. Ты отлично знаешь, что у меня, в отличие от тебя, безупречная репутация. И ты не сможешь меня скомпрометировать.

– Конечно, конечно, и потому ты вправе болеть чем угодно и от кого угодно... Пошли, Ансельм, нам не о чем с ним говорить.

– А я еще хотел предложить написать тебе музыку к моей поэме, – крикнул ему вслед Захариас.

– Ты ее еще сначала напиши! – Теодор чуть ли не силой тащил за собой Игоря в противоположный угол большой залы. Он все еще не мог прийти в себя от разговора с другом детства, да и как можно успокоиться, когда при тебе оскорбили Бога -Амадея.

– Филистер! – продолжал повторять Теодор, как заведенный. – Филистер! Ему неведомы высшие миры, хоть он и считает себя поэтом. Верь мне, Ансельм, Дон Жуан – любимейшее детище природы, она наделила его всем тем, что роднит человека с божественным началом, что возвышает его над посредственностью, над фабричными изделиями, которые пачками выпускаются из мастерской и перестают быть нулями, только когда перед ними ставят цифру... Как смеет он, абсолютный ноль, сам погрязший в грехах, демонстрирующий напускную добродетель, судить Его? Вольфганга Амадея! И меня... Эрнста Теодора! Да я во сто раз чище и лучше его. Моя любовь искренняя, пусть она мучительна, но ничто не сравнится с нетерпением души, отчаявшейся в любовной тоске. Часы прекраснейших мечтаний, которые я провел вместе с Дорой, наполняли меня райским блаженством, я вдыхал лишь аромат сладострастия – цветочное море наслаждения плескало вокруг меня свои волны! И в чем моя вина? В том, что я любил и люблю замужнюю женщину? Но ведь и она меня любит. И готова бежать со мной на край света. Почему же я должен таиться своей любви?

И тут Теодор увидел Иоганнеса Хатта. Он был один, и вел, по всей видимости, какую-то деловую и очень важную для него беседу с банкиром Шпигелем, о чем-то упрасывая его.

– Вот он счастливый случай! – Глаза у Теодора заблестели дьявольским блеском.

– Сейчас я скажу ему всю правду про наши отношения с его женой. И тогда посмотрим, что он предпримет... на что решится... – Напрасно Игорь пытался удержать его, расталкивая локтями гулявши по залу гостей, тот шел напролом к ненавистному пивовару.

– А, Теодор, – заметив его, – приветливо помахал рукой Иоганнес. – Что ж вы прервали свои занятия? Я даже был вынужден нанять своей жене нового учителя музыки. Да вот и он, – с этими словами пивовар коснулся рукой, стоявшего рядом с ним высокого, модно и к тому же со вкусом одетого юноши, беседующего с какой-то дамой. Лица ее из-за широкой спины кавалера было не разобрать. Молодой человек приветливо улыбнулся, изящно отступив в сторону, и Теодор увидел ту, кого никак не ожила здесь увидеть. Это была Дора...

– Генрих Зибрандт, – протянул ему руку новый учитель музыки. Но Теодор его не слышал. Он напрочь забыл почему он здесь, зачем пришел, что намеревался сказать... Выходит, подозрения оправдались, ему нашли замену... И какую замену! Да, что и говорить: красавец-мужчина, не чета ему...

Сколько раз он думал о том, чтобы его возлюбленная сама обманула и забыла его, «какое доброе божество тогда оберегло бы меня от отчаяния», писал он своему другу Готлибу Гиппелю. Но теперь, когда это случилось, когда он действительно стал «несчастной жертвой низкого коварства» верить в это не хотелось.

– Ну и что такого, – пытался он сам себя успокоить. – Я сам виноват, перестал давать ей уроки контрапункта. А Дора, она ж такая музыкальная, талантливая такая. Сколько молодых красивых учителей музыки дают уроки юным красивым ученицам. И что ж из этого?

Но тут всех пригласили в зал. Скоро должно было начаться представление. Теодор надеялся, что великий Моцарт отвлечет его от тягостных дум и с нетерпением ждал начала. Однако зрители не спешили рассаживаться по местам, да и те, кто уже расположились в просторных золоченых креслах, обитых красным бархатом, продолжали громко разговаривать, смеяться, пить дармовое вино и шуршать завернутыми в яркие обертки сладостями. Это шуршание, тяжелые шаги припоздавших театралов, громкие разговоры, перемежающиеся еще более гром-

ким смехом, продолжились и после того, как маленький щупленький капельмейстер взмахнул смычком и оркестр заиграл увертюру.

Теодор, сердито одернул, сидящего рядом с ним мужчину, который то и дело отпускал реплики, доводя до истерического смеха своего долговязого соседа.

– Так еще ничего не началось, – продолжая глупо улыбаться, ответил тот на замечание. Теодор его узнал. Это был Михаэль Трутман – промышленник и эстет, не пропускающий ни одного культурного события города. Его витиеватые статьи ни о чем можно было частенько видеть в различных городских газетах. И даже журналах, пока те не закрылись. Несмотря на успехи в коммерции Михаэль любил посещать различные музыкальные, литературные салоны, зная, что там всегда можно бесплатно поесть и выпить хорошего вина. Впрочем, он не отказывался и от плохого, если за него не надо было платить.

– Вы так считаете? – Теодор мог бы вступить с ним в полемику, относительно того – является ли увертюра оперы началом представления, но не стал, поглощенный чарующими звуками оркестра. Правда его сильно раздражал сморщенный старикашка, который сидел через проход и прикрыв глаза мерно раскачивался, стараясь попасть в такт музыке. Когда же оркестр от пиано переходил к форте, он доставал из кружевного манжета безразмерный носовой платок и на фортиссимо громко с надрывом сморкался в него. Эту процедуру он проделывал каждый раз, как только звучание оркестра достигало апогея. Впрочем, и без старика было достаточно любителей музыки, которые делали все для того, чтобы слушать ее стало невыносимо. Теодор долго старался терпеть коллективное издевательство над Моцартом, пытаясь сосредоточиться на игре артистов. Тем более, что пели они профессионально. Особенно хороша была молодая симпатичная певичка, исполнявшая роль Царицы Ночи. Когда она запела его любимую арию: «Ужасной мести жаждет сердце» у Теодора от восторга даже слезы выступили на глазах. Но в тот самый момент, когда ее хрустальный голос достиг небесных высот, над его ухом раздался скрипучий голос Трутмана:

– Эй, человек, принеси мне еще бокал вина! – Михаэль уже заметно покрасневшийся от излишнего употребления дармовой выпивки, привычным жестом подзывал к себе прохаживающегося вдоль рядов облаченного в красную ливрею слугу.

И тут Теодор не выдержал. Его сердце тоже жаждало ужасной мести. И не дожидаясь, когда к эстетствующему промышленнику подскочит услужливый лакей, он вцепился в его кружевное жабо и что есть мочи прокричал в заросшее густой шерстью ухо:

– Да замолчите, вы, наконец! Ваше место не в музыкальном салоне, а на базарной площади, среди таких же грязных, как вы торговок.

Промышленник опешил. Такой прыти от своего плюгавого соседа он никак не ожидал. И пытаясь оттащить его от своей новенькой шелковой манишки, стал отчитывать Теодора:

– Успокойтесь, сударь и ведите себя достойно. Это не я, а вы мешаете достопочтимой публике слушать нашего великого Амадея. – В то же время Теодор почувствовал, как кто-то сзади заламывает ему руку и пинками выталкивает из зала. Это был долговязый сосед Михаэля, репортер Маркус, по крайней мере, свои пасквили в местных газетах он подписывал именно так и с которым промышленник еще несколько минут назад так весело подсмеивался над виртуозными пассажами Памяны. Маркуса не смутило даже то, что он был хорошо знаком с Теодором, но желание выслужиться перед своим новым хозяином видимо взяло верх. Игорь попытался оттащить долговязого, но тут и на него навалились двое здоровенных слуг, и поволокли к выходу.

– Ничтожный сброд, – выругался Теодор, – когда за ними закрылись двери дворца, и они оказались во дворе, больше смахивающим на регулярный сад.

– Поверь, Ансельм, я впервые метал свои перлы перед свиньями... И вот чем все это закончилось – позорным изгнанием из «Обители муз». Единственно, что меня утешает, это то,

что и Моцарта не раз спускали пинками с лестницы. А он воспарил в небо. Парадокс! – Какое-то время они шли молча.

– И все же, даже после такой экзекуции я чувствую, что обладаю некоторым достоинством, – снова заговорил Теодор. – Ничего, господа, придет и мой черед!

– Конечно, придет! – подбодрил его Игорь. – Уж мне это наверняка известно....

– Слушай Ансельм, а может я дурак? – вдруг снова обратился к нему Теодор. – Ведь все вот это: и любовь, и измена, и все наши душевные муки, переживания, искания собственного я, все это уже давно было. Оно обрисовано в книгах, изданных задолго до нашего с тобою рождения. Эти книги написаны на все случаи жизни. Разве мы не узнаем в них себя в малейших подробностях, словно бы автор наблюдал за нами, а может даже сидел внутри нас и нагло там копошился... Может вся наша жизнь сплошная инсценировка чужой пьесы неизвестного автора. И мы проигрываем ее, как плохие актеры, ошибаясь, забывая слова, написанные еще много веков назад.

– Может это и чужая пьеса, – согласился Игорь, – но когда мы ее играем, мы не думаем об этом, а просто живем, и нам кажется, что все это происходит впервые. С нами...

– Пожалуй, ты прав, Ансельм. И как бы я ни уговаривал себя, что наш роман с Дорой похож на дурную пьесу, и что нам давно надо бы расстаться, все это я тут же забываю, как только вижу ее. Да, я все еще люблю, но проклятие природы лежит на этой любви. Нравственность, долг, все это пустые слова, когда любишь. И плевать я хотел на мораль, на приличия. Знаешь, что я понял сейчас: то, что нельзя быть робким. Нужно действовать! Решительно! Я не позволю ему больше меня унижать!

Они шли по длинной каштановой аллее, в конце которой возле газового фонаря чернел силуэт из двух фигур: мужской и женской. Мужчина, довольно-таки высокий в облегающем его стройную фигуру фраке держал за руку миниатюрную даму, пышные юбки которой делали ее похожей на перевернутый цветок. Теодор узнал ее. Да и как он мог спутать ее с кем-то другим...

– Дора, – закричал он, – Дора! – И бросился в темноту...

Возвращение

- Теодор, постой! Не ходи туда! – Игорь попытался остановить друга.
- Пусть идёт, не стоит его удерживать... – раздался из темноты старческий голос.
- Кто это? – голос был очень знакомым. Похоже, Игорь уже слышал его сегодня.

И точно, из тёмной аллеи сада, забавно переступая ногами, вышел на свет тот самый старый профессор в широкополой треуголке и длинном сюртуке, с которым он сегодня совершил долгую прогулку по философской тропе...

– Не надо ему мешать. Он сам должен во всём разобраться и сделать свой выбор. – Старик тяжело вздохнул и продолжил, – хотя выбирать ему, в общем-то, не из чего.

– Почему? – возразил Игорь.

– Ну, посудите сами, возможно ли представить вашего двадцатилетнего друга, отчимом шестерых детей? Ему и одного-то не прокормить... Куда он заберет свою возлюбленную со всеми её домочадцами, когда сам скитается по углам? Где он найдёт средства на то, чтобы обеспечить большую семью всем необходимым? Даже если он и решится на столь опрометчивый поступок, то уже через пару дней будет об этом горько жалеть, а ещё через некоторое время сам сбежит от своей любимой. Впрочем, я думаю, ему хватит ума и без меня во всём разобраться. Не безумец же он и должен понимать, что жизнь людей, преданных только наслаждению без рассудка и без нравственности, не имеет никакой цены. Ему надо переболеть этой болезнью и идти дальше.

– К славе! – Игорь хотел сказать ещё что-то о том, какая участь ждёт его друга в будущем, но старик перебил его.

– И всё-таки я ему страшно завидую... Он живёт чувствами, страстями. Он не боится совершать безрассудные поступки, даже если они порицаются обществом. – Профессор снова вздохнул. – Я так не мог...

– Вы знаете, сударь, – вдруг повернулся он к Игорю, и глаза его заблестели, впрочем, может, в них просто отразился свет уличного фонаря, – когда-то, когда я был значительно моложе, чем сейчас, мне тоже нравилась одна дама. Замужняя... Очень нравилась. И она, представьте себе, питала ко мне определенные чувства. И искала встречи со мной...

– Красивая дама?

– Очень...

Игорь с изумлением смотрел на старого философа, решившего открыться ему.

– И как развивался ваш роман?

– Никак. – Старик снова вздохнул. – Я не смог переступить через свои принципы. Таков уж мой характер...

– Какой характер, какой характер! – Игорь даже перешёл на крик. – Женщина, умная, красивая, и, к тому же, которая нравится вам, ищет с вами встречи, а вы бежите от неё, прячетесь в своей скорлупе...

– Замужняя женщина... Заметьте, замужняя. Я не мог переступить через нравственный закон, он сидит во мне и связывает моё сознание. Откликнувшись на её призыв, я поступил бы безнравственно и не был бы достоин счастья.

– Господи, профессор, что вы говорите! Вы добровольно связали себя по рукам и ногам, запрятались в каменный футляр, из которого вас никому не выковырять. Вы хотя бы раз в жизни совершали какой-нибудь безумный, опрометчивый поступок? Ну, не знаю, напились, что ли, вызвали кого-нибудь на дуэль...

– Представьте себе, был однажды и пьяным, и даже участвовал в поединке...

– Что? – Игорь аж застыл от удивления. Чего-чего, а такого услышать от старого профессора он никак не ожидал.

– И кого вы вызвали на дуэль?

– Не я, меня... Некий господин Грин потребовал сатисфакции за то, что я в его присутствии нелестно отозвался о действиях британского правительства. А он, как истинный патриот своей страны, не мог мне этого простить.

– И как закончился ваш поединок? Вы его убили?

– Нет, я сказал господину Грину, что приму его вызов, но прежде он должен выслушать меня до конца. Он согласился. Дело кончилось тем, что он пожал мне руку и проводил до дому. Дуэль не состоялась.

Услышав этот рассказ, Игорь не мог сдержать смеха.

– Да, профессор, даже самые безумные поступки вы превращаете в серьёзный научный спор. И что же стало с вашим господином Грином?

– Мы стали с ним закадычными друзьями. Вплоть до его смерти. На нём я проверял все свои научные труды. Это был самый благодарный и самый лучший мой слушатель.

– Ну, что вы стоите, пойдёмте. Ваш друг сейчас должен побыть один.

И они продолжили путь по аллее сада.

– Ну, как вам Моцарт? – спросил Игоря профессор.

– Я в полном восторге!

– Да? А для меня что-то нот многовато. Впрочем, я не претендую и никогда не претендовал на роль знатока музыки. Мне она чаще всего мешает думать. Я вообще люблю тишину. Да и поздно уже. А я привык всё делать в соответствии с моим расписанием. В десять часов мне уже следует отправляться в объятия морфея. Это, пожалуй, единственные объятия, которые и сладостны, и безгрешны.

– Да, кстати, вам же, наверное, негде ночевать, – спохватился старик. – Идёмте ко мне. А то вы тогда, в кофейне, так увлеклись беседой со своим новым знакомым, что я не стал вам мешать. Но теперь, быть может, вы примете моё приглашение?

– Спасибо, профессор, но я, право, не знаю...

Предложение старика было заманчиво. В самом деле, уже ночь на дворе. Куда идти? Но с другой стороны, как быть с Теодором? Может, ему понадобится его помощь?

– А завтра милости прошу ко мне на обед, – продолжал уговаривать студента профессор.

– Да я не особо разбираюсь в философии, – стал оправдываться Игорь. – Меня даже к экзаменам не допустили...

– Что так?

Игорь смутился.

– Да я как-то перед лекцией по философии на доске, шутя, написал: «Сознание – первично, материя – вторична».

– И что тут крамольного? Так считали и считают не только вы, но и Платон, и Лейбниц, и нынешние философы. Надеюсь, вам дали возможность привести доводы в пользу вашей точки зрения?

– В том-то и дело, что нет. Нашего преподавателя больше волновало узнать – кто написал крамолу на доске.

– Это сделал трус, который может только вот так, исподтишка, совершать пакости, гадить, – кричал он, нервно расхаживая по кафедре и размахивая длинными пергаментными руками. – Этот пакостник никогда не осмелится честно признаться в содеянном.

– Почему же не осмелюсь, – Игорь встал из-за стола и громко произнёс, – это написал я.

Аудитория притихла. Все знали несдержанный характер университетского «философа» и, затаившись, ждали, чем закончится неравная схватка студента с преподавателем.

– И вы утверждаете, что сознание первичнее материи? – Иван Павлович Резников (так звали лектора) прямо пылал праведным гневом и готов был сию минуту испепелить зарвавшегося

гося студента, но ещё чего-то ждал. Покаяния, наверное. Но вместо него услышал совершенно недопустимые на лекции по материалистической философии слова:

– Да, я это допускаю, – Игорь никак не ожидал, что его, в общем-то, как ему казалось, безобидная шутка, приведёт Ивана Павловича в такое экзальтированное состояние.

– Вон из моей аудитории! – прорычал он. – Вон! Я вас не допускаю к экзаменам!

Выслушав рассказ, старик заразительно расхохотался, так, что и Игорь вслед за ним тоже стал смеяться. Сейчас вся эта история действительно выглядела забавно, а тогда... Тогда, покидая аудиторию, он испугался не на шутку и понял для себя, что философствовать, особенно на занятиях по философии, бессмысленно и опасно.

– Не хочу осуждать вашего преподавателя, – отсмеявшись сказал старик, – это не в моих правилах, но дать вам защитить свою точку зрения, он всё-таки был обязан. Все дела, совершённые в гневе, не имеют никакого смысла. Но смею вас уверить, что на моих обедах мы вовсе не философствуем.

– А чем же вы занимаетесь? – спросил Игорь.

– Беседуем на разные темы: о политике, о болезнях и как избежать их, о поварском искусстве, о клопах, которые докучают нам по ночам, и чем их можно травить...

– О клопах? – не поверил своим ушам Игорь. – Вы говорите о клопах?

– Ну да, – улыбнулся старик, – а что тут предосудительного? Это, молодой человек, жизнь. Она состоит не только из одних роз, но и из вот таких житейских мелочей. Я ведь специально, приглашаю на мои обеды людей разных сословий, разного уровня образования, разных профессий. Таким образом, я познаю жизнь нашего города, а это, в свою очередь, даёт пищу моему уму. Благодаря этим обедам, я познаю Вселенную.

– Что? – теперь уже стал смеяться Игорь. – Беседуя о клопах, вы познаёте Вселенную? А мне кажется, профессор, что все ваши ежедневные застолья с чужими, малознакомыми людьми вы совершаете совсем по другой причине. Вам одиноко. У вас нет ни жены, ни детей. Вы совершенно один! И вы сами в этом виноваты.

– Да? – удивился философ. – Я как-то не думал об этом. И что вы, молодой человек, имеете против одиночества? Глубокое одиночество возвышенно. – И, помолчав, добавил, – но оно чем-то устрашает...

И в это время раздался бой часов.

– О, я, кажется, сегодня нарушил свой распорядок, – произнёс профессор. – Четверть-часовой пробил. За пятнадцать минут мне до дому никак не дойти.

– Вы различаете по звуку колокола? – удивился студент.

– Да, ведь каждый из них имеет свой тон, свои вибрации. Вы, наверное, обратили внимание, что все колокола льют в форме перевернутого бокала, колпака. И это неспроста. Именно в нём, живёт голос колокола, его душа. Тембр, громкость, качество звука зависят от размера колпака, толщины его стенок, сплава, из которого отлит колокол. И когда мы бьём в него, возникает явление резонанса: звук усиливается, увеличивается его продолжительность. Это элементарная физика. Но случается, что совокупность всех этих положительных характеристик приводит к совсем не тому эффекту, который мы ожидали получить. Так случилось с нашим самым большим и самым красивым колоколом. Горожане его называют «Дедушка». У него очень мощный, очень насыщенный неподражаемый низкий звук. Но никто его не слышит...

– Почему?

– Потому что звучание его входит в резонанс со стенами собора. И если несколько раз ударить в этот колокол, собор просто разрушится.

– Откуда вам это известно? – не поверил словам профессора Игорь.

Старик снисходительно улыбнулся и произнёс:

– Потому что я это рассчитал.

И тут Игоря осенила одна крамольная мысль.

– Извините, профессор, – обратился он к старику, – но я вынужден вас покинуть. Дело в том, что я забыл в соборе, помните, там, где вы меня нашли, свою курсовую работу. Она мне очень нужна. Может, её кто нашёл?

Похоже, профессор понял его ложь, но ничего не стал возражать. Только сказал:

– Что ж, заодно послушайте проповедь дежурного священника. Может, это поможет вам найти путь к моральному совершенству.

– А вы, профессор, не желаете пойти со мной? – Игорь чувствовал неловкость, от того, что обманул старика, и пытался хоть как-то сгладить её.

– Нет, мне этого не нужно.

– Почему?

– Потому что человек, который в своих действиях руководствуется нравственным законом, не нуждается в посещении церкви. – Философ хитро подмигнул Игорю. – А вот вам это не помешает. У вас ещё моральные принципы, молодой человек, не сформированы. Хотя вы мне и симпатичны. И вот ещё что, – профессор взял Игоря за руку и крепко сжал её. – Не пытайтесь договориться с Богом, не просите у него ничего. Не думайте, что вы более ценны для него, чем другие. Перед ним мы все – равны.

В темноте собор казался ещё больше и величественнее. Игорь вошёл вовнутрь.

– Вот он какой! – молодой человек с восторгом смотрел на сводчатые потолки храма, сплетающиеся в причудливые ажурные кружева, на многочисленные колонны, принимающие вверху формы вытянутых арабских арок, украшенных орнаментом из диковинных цветов и изогнутых стеблей замысловатых растений. В глубоких нишах, в обрамлении мраморных скульптур и витиеватых эпитафий прятались массивные гранитные саркофаги. Даже, несмотря на то, что почти все светильники в зале были погашены, помещение впечатляло своей величественной красотой.

– Вам помочь? – к Игорю подошёл пожилой смотритель собора.

Студент его узнал. Это он сегодня днём приветствовал старого философа, восхищаясь его точностью.

Смотритель тоже узнал Игоря.

– А можно взглянуть на колокола башенных курантов? – вдруг попросил он сторожа.

Похоже, просьба молодого человека несколько смутила его. Но как он мог отказать другу философа?

Они поднимались по крутой винтовой лестнице южной башни, пока не оказались на колокольне. Где-то внизу слабыми редкими огоньками светился город. Тихий и сонный. Он растворялся в темноте. Зато звёзды, они были совсем рядом, их можно было схватить руками, если бы не страх обжечься. Впрочем, Игорю сейчас было не до них. Ему не терпелось взглянуть на колокола. Четыре огромные чёрные юбки, принадлежавшие четырём великаншам, лениво, со скрипом покачивались от ветра на тяжёлых перекладинах. «Дедушку» Игорь сразу приметил. Этот массивный колокол был значительно больше остальных. Здесь же, на деревянном помосте, словно клавиши гигантского органа, торчали четыре массивные педали. Каждая из них крепилась веревкой к перекладине с подвешенным на ней колоколом. Правда, в темноте было непонятно, какой педалью приводится в движение тот или иной из них.

Игорь наступил на первую педаль, и ночную мглу пронзил чистый звонкий протяжный звук.

– Стой, что ты делаешь?! – к нему бежал, перелезая через деревянные балки и изрыгая на ходу проклятия, испуганный сторож.

Но Игорь, не обращая на него внимания, наступил на вторую клавишу. И тут же ещё один, более низкий, звук повис над засыпающим городом. Едва студент коснулся третьей педали, как сторож, чуть ли не в прыжке, скинул Игоря с искушающей его клавиатуры. Удар был столь силён, что они чуть не свалились вниз с колокольни, успев в последнюю минуту зацепиться за полусгнившее ограждение. И в это время густой бас заглушил их крики. Звук был таким тяжёлым, что даже не дал им подняться. Словно мощная, вибрирующая внутри них волна придавила их к полу, наполнив сердца ужасом и тревогой. Но стены собора, как ни странно, выдержали и этот роковой удар. Ошибся профессор, что-то там не учёл...

И в это время в абсолютной тишине послышался страшный треск ломающихся стен, и башня Кафедрального собора медленно поползла вниз. Нет, всё-таки не ошибся!

– Какая красота! – Игорь не мог оторвать глаз от бездонного звёздного неба...

Да, прав философ – созерцание этой дивной картины не может не наполнять душу новым и всё более сильным удивлением и благоговением... Про моральный закон ему думать не хотелось. Всё-таки, то, что он совершил, не совсем морально. Скорее даже аморально. Конечно, он поступил как эгоист, поставив свое «Я» во главу всего мироздания. А, может, даже всей Вселенной. Но и его надо понять. У него ещё экзамен по высшей математике не сдан профессору Гольдбергу. С философией не всё улажено. И с Лизой нужно тоже разобраться. Кукла она, в конце концов, или человек? А если человек, то почему так безжалостно ведёт себя по отношению к нему? Пускай решает, кто ей дороже: он или этот Цахес-Валентин... А, может, он и не Цахес вовсе – нормальный парень.

– Может, это я ей просто надоел? Но ведь было, было нам вместе хорошо. И весело. И интересно. Было!

Он тогда достал билеты на никому не известный ансамбль старинной музыки «Барокко». Прежде всего его привлекло то, что ребята, вчерашние выпускники консерватории, будут играть на средневековых инструментах: клавесине, лютне, виоле. Интересно же! И Лиза согласилась пойти с ним. Погода была, правда, не очень. Холодно, сыро, ветрено. Обычная калининградская погода. Но когда начался концерт в крошечном зале уютного старинного особняка музыкальной школы имени Глиэра, и пятеро молодых музыкантов, одетых в светло-голубые камзолы, расшитые серебром, заиграли концерт Телемана, когда металлические, чуть дребезжащие аккорды клавесина, соединившись с протяжным пением флейты и виолы, перенесли их на два столетия назад, Игорь понял, что не зря пригласил Лизу. Молодых людей, правда, забавлял шуленький старичок, который сидел через проход и, прикрыв глаза, мерно раскачивался, стараясь попасть в такт музыке. Когда же музыканты от пиано переходил к форте, он доставал из бокового кармана безразмерный носовой платок и на фортиссимо долго, с надрывом сморкался в него. Они еле сдерживали смех, наблюдая за потешным дедушкой. Но, когда молодые музыканты заиграли Арию из «Орфея и Эвридики» Глюка, и печальный нежный голос флейты стал петь, разрывая сердце, о потерянной любви, Игорь уже больше ни на кого не обращал внимания. Ведь и он, так же, как Орфей, мог в любую минуту потерять свою Эвридику. Навсегда! Нет, он не должен этого допустить. Игорь, как бы нечаянно, коснулся руки своей подруги, нежно сжал её. Так и сидел, замерев, опасаясь, что она в любую минуту уберёт свою маленькую нежную ладошку. Но нет, не убрала.

Да, концерт был замечательный. Восторженные зрители, не жалея ладоней неистово аплодировали музыкантам, вызывая их на бис. И те не отказывали, а всё играли и играли, несмотря на то, что сердитые гардеробщицы уже не раз тушили и зажигали свет в зале, как бы ненавязчиво намекая, что музыка хоть и вечна, но пора и честь знать. Но на них никто не обращал внимания. И уже после того, как отзвучал последний аккорд Моцартовской «Ночной сере-

нады», и счастливые, но уставшие музыканты, подняв руки вверх, сказали: «Всё!» – зрители не спешили расходиться, а, окружив артистов, стали засыпать их вопросами касательно привезенных ими старинных инструментов и, в первую очередь, конечно же, клавесина. Маленький, изящный, на гнутых точеных ножках, с перламутровыми инкрустациями он вызывал одновременно восторг и любопытство. Хотелось знать всё: откуда он, сколько ему лет, из чего сделан его корпус, и что у него внутри. Сколько стоит клавесин? И не боятся ли они такой дорогой и капризный раритет, который нужно настраивать перед каждым выступлением, возить с собой по всей стране? Украдут, не ровен час! Про музыкальные возможности старинного инструмента тоже задавались вопросы, но меньше. Ребята охотно отвечали на всё. И даже демонстрировали те музыкальные возможности лютни, виолы, клавесина, которые не удалось показать во время концерта.

Публика расходилась в самом приподнятом настроении. Да, такое единение музыкантов и благодарных слушателей бывает не часто...

– Чудо! Чудо! – говорили восторженные зрители. Их переполняли эмоции, которые так и просились наружу.

И тут случилось ещё одно волшебство. Пока шёл концерт, подаривший его слушателям столько приятных минут и даже часов, город стал совершенно другим, по крайней мере, в районе музыкальной школы имени Глиэра. Если перед концертом он выглядел тускло, невзрачно, демонстрируя все свои не самые лучшие стороны: битые тротуары, поломанные скамейки, грязь, которая хоть и блестела в свете фонарей, но, тем не менее, не украшала этот тихий уголок Калининграда, то теперь всё выглядело совершенно по-другому.

Улицы, деревья, кусты – все сияло и даже искрилось неправдоподобно белым светом. Пока люди наслаждались музыкой, зима решила похозяйничать в городе. Она покрыла всю землю снегом, превратив маленькие ёлочки у подъезда школы в нахохлившихся гномиков, а те, что были побольше и подальше, в добродушных сов. Она лепила из снега волшебные шары, забавных зверушек и рассаживала их на всём, что попадалось ей на пути. За считанные часы тусклый неухоженный город превратился в Снежное царство. На этом бескрайнем белом поле, тянувшемся от ступенек музыкальной школы в бесконечность, не было ни одного человеческого следа, впрочем, так же, как и звериного.

Теперь уже все восхищались не божественной музыкой, а этой сказочной картиной, повторяя как заклинание:

– Чудо! Чудо! Ну надо же, какой подарок от нашей капризной матушки-зимы!

Никто не решался первым нарушить девственную белизну только что выпавшего снега и, переминаясь с ноги на ногу, ждал, когда это сделает кто-то другой.

Но, повздыхав, восхитившись дивной картиной, созданной матушкой-природой, люди, сначала робко, осторожно, а потом уже спокойно и уверенно пошли по первому белому снегу в сторону трамвайной остановки. Поздно уже, пора и домой.

Снег хрустел под ногами, словно его кто-то грыз. Идти по нему было, конечно, неудобно. При каждом шаге ноги проваливались по щиколотку. Снег уже забился за шиворот, в ботинки... Но Игорю и Лизе было весело и даже смешно. Они продолжали идти по этому хрустящему, пушистому, нежному снегу, пока не упали вдвоём в мягкий сугроб. Какое это было счастье! Её холодная сладкая румяная щёчка была совсем близко от его губ. И он чмокнул её, ощутив непередаваемое блаженство. Лиза не вырвалась, не возмутилась, и он хотел ещё раз поцеловать её. Теперь он метил в губы. Но в это время над ними прозвучал злобный старческий голос:

– У, пьяные. Ни стыда, ни совести.

Они посмотрели вслед злобной старухе и как по команде рассмеялись.

- А ты знаешь, как с немецкого переводится Глюк? – вдруг спросила Лиза.
- Нет, – ответил Игорь. – Я думал, это просто фамилия композитора.
- Счастье, – сказала Лиза. – Глюк – это счастье.

Да, тогда он ощутил его сполна. Ещё не было этих сомнений, терзаний, ревности. Было только Счастье.

Игорь смотрел на звёздное небо, которое сквозь разрушенную кровлю собора грозило упасть на него... И, может, даже сжечь. Среди множества знакомых и незнакомых созвездий он нашёл Кассиопею. Эта гигантская буква из звёздного букваря, ставшая треном для строптивой древнегреческой Богини, всегда привлекала его. И теперь, презрев законы тяготения, он устремился навстречу ей, надеясь там, в безбрежности пространства, далеко-далеко от Земли, обрести счастье и покой.

Вдруг темноту собора пронзил тонкий луч карманного фонарика.

– Эй, есть тут кто-нибудь? Отзовися! Товарищ!

– Опять эта злобная старуха, – подумал Игорь. – Житья от неё нет. Дайте мне спокойно улететь!

– Да нет тут никого, показалось тебе! – послышался другой, более низкий голос.

– Не показалось, не показалось, – продолжала пищать старуха. – Я видела её.

И тут в проёме окна высветилась её голова в странной тубетейке.

– А платок куда дела? – пронеслась в голове Игоря нелепая мысль.

– Мы тут днём на экскурсии были, – продолжала тараторить старуха, – а он из окна вылезла... А потом обратно упала... Спасать нада, пропадет селовек...

– Слушай, Заид, не морочь ты мне голову, – снова послышался другой, низкий голос. – Померещилось тебе.

И тут луч фонарика полоснул по бледному лицу Игоря, даже глазам с непривычки больно стало.

– Вот она, вот она, – закричала старуха и прыгнула внутрь собора. – Я насёл его!

Перед Игорем стоял молодой человек с раскосыми азиатскими глазами, с расшитой тубетейкой на голове и тормозил его.

– Вставай, эй, слысыс, вставай!

– А где старуха? – спросил Игорь, и потерял сознание.

Эпилог

Проснулся он рано, от непонятной Тревоги, которая так же, как когда-то в детстве снова пришла за ним. Впрочем, перед экзаменами он всегда волновался. А уж сегодня и подавно, ведь ему предстояло держать ответ перед новым преподавателем философии Эммануилом Теодоровичем Бельским, поскольку Резников не желал его видеть (благо в деканате удовлетворили его просьбу и допустили всё же к экзамену). Вот почему и тревожно – нашлось объяснение его нынешнему состоянию.

Он встал с кровати, подошёл к раковине, чтобы умыться, посмотрел на себя в зеркало...

Там отразился какой-то пожилой мужчина с глубокими залысинами и редкой щетиной на одутловатом лице.

– Кто это? – испугался Игорь. Мерещится ему, что ли... Но отражение не исчезало, а продолжало там за стеклом повторять все его судорожные движения.

– Это что, я? – сознание Игоря не хотело мириться с реальностью. Он взглянул на свои руки, это были руки немолодого человека, их покрывали мелкие густые морщинки и вздутые вены.

– Нет, не может быть! – Неужто этот пожилой несимпатичный человек – он, студент третьего курса университета? Когда он превратился в него? Он вдруг ощутил себя жалким тараканом, попавшим в стеклянную банку, из которой так и не смог выбраться. Сколько лет он сидит в ней? Год? Два? Десятилетия? Он не помнил. Он ничего не помнил с того момента, как оказался внутри разрушенного собора. Правда, зачем он туда залез, и что с ним было дальше, вспомнить тоже не мог.

И тут в комнату, а точнее в больничную палату зашёл врач с ассистентом.

– Доброе утро! Ну, как спалось, как вы себя чувствуете? – обратился к нему доктор.

– Плохо, – ответил Игорь.

– Что такое? – врач ласково, как ребенка, погладил его по голове.

– Мне страшно. Тревога! За мной пришла Тревога!

– Ну, ну, успокойтесь. Это вам только кажется, никакой Тревоги тут нет. И не было. Мы не дадим вас в обиду. Лучше давайте вспомним – как вас зовут?

– Я помню, – сказал Игорь.

– Ну и славно, – обрадовался доктор. – Вот и скажите, как?

– Вы сами скажите, – схитрил Игорь, поскольку, как его зовут, действительно забыл.

– Ну хорошо, давайте вместе, – снова улыбнулся врач. – Вас зовут И... -горь.

– Игорь, – повторил больной.

– А отчество? – продолжал пытаться пациента врач.

– Как? – Игорь хитро посмотрел на доктора, мол, что вы меня допрашиваете. Я-то знаю, а вот вы...

– Ну, как? – доктор снова легко похлопал больного по плечу. – Григорьевич, – закончил он за своего пациента, – Григорьевич.

– Хорошо, а какой сейчас год? – снова стал спрашивать он пациента.

– Тысяча... – неуверенно начал Игорь.

– Нет, нет, не тысяча. Две тысячи во-сем-над-ца-тый.

– Две тысячи восемнадцатый, – даже не вдумываясь в сказанное врачом, повторил Игорь Григорьевич.

– Деменция? – обратился к лечащему врачу, сопровождавший его ассистент.

– Да, – кивнул тот головой. – Хотя...

– А, может, вам телевизор включить? – предложил доктор. И не дожидаясь ответа, нажал пульт.

В больничной палате зазвучал оркестр. Музыка была торжественной, немного тревожной. И очень светлой.

– Волшебная флейта! Это «Волшебная флейта»! – вдруг оживился больной.

– Возможно, – сказал врач. – Я не знаю...

– Да, это моцартовская «Волшебная флейта», – обрадовался Игорь. – Увертюра. Я её узнал. Вы только послушайте!

Оба врача удивленно переглянулись.

– Я вспомнил, как меня звать, – ещё более оживился пациент. – Ансельм. Меня звать Ансельм. И сейчас не две тысячи восемнадцатый год, а тысяча семьсот девяносто седьмой. Вы ошибаетесь, – он схватил целлофановый пакет и стал запихивать в него всё подряд: рубашку, зубную щетку, бритву, тапочки и, прижимая скомканный пакет к груди, направился к выходу.

– Куда вы? – окликнул его врач.

– В Обитель муз, – ответил Игорь. – Мне надо выручить моего друга Эрнста-Теодора.

– Стой, – закричал ассистент, – стой!

Но врач остановил его:

– Пусть идёт... – и, помолчав, заметил, – а, может, это и не деменция. Может, он просто заблудился?

– Где? – не понял ассистент.

– В лабиринте времени.

Игорь выбежал в больничный двор. И замер. Он весь был покрыт белым ковром только что выпавшего снега. Ступить на него было страшно. Но там, в самом конце сада он увидел знакомый маленький чёрный силуэт.

– Теодор! – закричал Игорь. – Теодор! Я иду к тебе! – и бросился по снегу навстречу другу.

Как я не стал миллионером

Это было время, когда казалось так легко взять и разбогатеть. Но так только казалось. 90-е годы вселили в нас надежды, которые для многих закончились разочарованием.

Но сейчас, спустя годы, все те наши попытки стать миллионерами выглядят смешно и наивно. Мы смеемся вместе с героями этих рассказов о том «веселом» времени. И вспоминаем...

Операция «Вишневая косточка»

В дверь тихо, но настойчиво постучали. Два длинных, два коротких и снова один длинный. Как договаривались.

– Свои, – зачем-то шепотом сказала Лена и пошла открывать.

На пороге стояла Светлана с увесистой матерчатой сумкой.

– Сколько? – заговорчески спросила ее хозяйка квартиры.

– Триста пятьдесят ... – также заговорчески ответила та и высыпала на стол содержимое. Зелёные, жёлтые, фиолетовые бумажки, с многочисленными нулями, словно мятые фантики от давно съеденных конфет, разлетелись по его лакированной поверхности.

– Господи, куда ж мы это все складывать будем? Нельзя было хотя бы покрупнее купюры найти? У тебя ж тут одни пятёрки да десятки, – стала возмущаться Лена.

– Где я тебе покрупнее найду, – огрызнулась гостья. – Какие дали... Мне ещё пятьсот тысяч где-то найти надо. Уже не знаю, у кого просить...

– А, может, хватит, – вмешалась в разговор ещё одна гостья – Зинаида. – Убьют его ещё там с такими деньжищами.

– Не убьют, – уверенно заявила Светлана и вытащила из сумки пистолет.

– Настоящий? – ахнула Лена.

– Да нет, – засмеялась Света, – газовый. Так, попугать, если что...

– Да вы с ума сошли, – забыв про конспирацию, закричала Лена. – Если так всё серьезно, я вообще Сережку никуда не пушу... Пистолет они ещё ему суют. Да его за один этот пистолет посадить могут...

– Да не кричи ты так, – попыталась успокоить хозяйку квартиры Светлана. – Это так, на всякий случай. Всё будет нормально. Мы что, одни такие умные? А если будем вот так сидеть и варежкой щёлкать, то ... – Она махнула рукой, не договорив. – Мне что ли вместо твоего Сергея ехать? Я бы и поехала, да со службы не отпустят.

– И меня не отпустят, – поддакнула Зинаида. – Скажите спасибо, что я вам такую классную идею подбросила. Могла б ведь и одна справиться.

– Ага, могла, – поддразнила подругу Света. – Где б ты такие деньжищи одна раздобыла? А машину? Думаешь, мне так просто было с начальником военторга договориться, чтобы он нам этот рефрижератор дал?

– Ну, а Олег... Пусть он едет, – заступилась за своего мужа Лена.

– Вот уйдет в запас, тогда пусть и ездит. А пока ему по рангу не положено... – сказала Зинаида. – Короче, сколько тут у нас?

– Четырнадцать миллионов триста семьдесят тысяч, – посчитав в столбик прямо в той же тетрадке, куда вносила все полученные от друзей деньги, сказала Лена.

– Сколько там ещё не хватает? – спросила Светлана.

– Пять миллионов шестьсот тридцать тысяч. Миллион триста должна ты, два миллиона семьсот Зинаида и миллион шестьсот я.

– Пошли искать, – сказала Светлана, и подруги вышли из комнаты, оставив Лену с ее миллионами...

Вообще-то, если по-честному, все придумала не Зинаида, а Олег. Ну не мог он спокойно смотреть на то, как все вокруг него вдруг стали стремительно богатеть, в то время как он, вот уже второй месяц сидит без зарплаты и лапу сосет. Особенно его раздражал сосед по дому Геннадий. Еще совсем недавно этот Геннадий чуть ли не каждую неделю рупь у него клячил до полочки, а сегодня он гвардии капитан Чистяков вынужден клянить пару—другую тыщенок у этого, заметно раздобревшего и лоснящегося от достатка, новоиспеченного бизнесмена.

И тот дает... Для него это – мелочь, семечки... пыль. Конечно, деньги сейчас не те, что раньше: килограмм картошки – тыща, масло – три... Не в этом дело. Как ему так подфартило, этому Геннадию. Был голодранец, попрошайка, а сейчас – машину купил БМВ, дом строит, в Польшу чуть ли не каждый день ездит. Приоделся. Кожаное пальто, пиджак двубортный малиновый...

Да разве он один такой. Вон, сколько этих деловых развелось. И ладно бы что-то делали, строили. Нет, так... торгаши. Купи-продай. Как-то за бутылкой коньяка Олег раскрутил этого Геннадия на откровенный разговор, мол, как тебе удалось такие бабки за полгода сколотить. Тот по-пьяни и раскололся.

– Я, – говорит, – газировку из Польши в Россию гоняю, туда – подальше, аж, за Урал. С одной фуры двадцать лямов навару. А мы в неделю таких фур по пять—шесть штук гоним. У них там, в Толкмичко, газированный завод только на нас и пашет. В месяц полмиллиарда выходит. Нормалек.

Цифра эта тогда Олега просто сразила. Полмиллиарда! В месяц!... Каким жалким в этот момент показался он себе. Потомственный офицер, белая кость. На сигареты не заработал... В доме – шаром покати. Жрать нечего... А этот на сладкой водичке миллиарды гребет...

Нет, так дело не пойдет. И если государство о нем забыло, то он сам о себе позаботится. Понятное дело, что газировку за Урал, как Геннадий, он возить не станет. Во-первых, никто за границу его так просто не выпустит, а во-вторых, там, как он понимает, все уже давно схвачено. Видел он этих крепких с наеденными загривками бычар, сопровождающих фуры. Но можно же что-то и другое придумать...

Идею подсказала его сослуживица Зинаида. Даже не она, а ее хахаль Михай. Парень крепкий, здоровый, молодой. Зина его лет на десять старше, а может и больше. Пригрела морячка, после рейса, пожалела... У того ж – ни кола, ни двора. Кантуется бедолага в МДМе (Межрейсовом доме моряков) от рейса до рейса. А там – понятно что... Бардак. В море уйдешь, а вернешься – от твоих пожитков рожки да ножки... Все растащат, хоть в комнате держи, хоть в камере хранения – один черт. Вот она и предложила ему жить у нее. А что? Женщина она свободная, разведенная, со своей жилплощадью. Имеет право! Тем более, зарплату, который месяц не дают. Денег нет. А у нее есть? Спасибо Михай еще что-то на пропитание дает. Только на долго ли? В рейс его пока не зовут, а те деньги, что он в прошлом рейсе заработал, они уже почти съели...

Вот как-то за рюмкой чая, уж не помнится и по какому случаю собрались, Михай и скажи: – Блин, весна на дворе, у нас уже вишни цветут, миндаль. А у вас тут дождь, слякоть, снег... На улицу выходить не хочется.

– А где это у вас? – отставив рюмку, спросил Олег.

– В Закарпатье. Город есть такой – Мукачево, – ответил тот. – Может, слышал?

– Слышал, – ответил Олег. – И что у вас там, в Мукачево есть?

– Все есть. У нас уже в мае черешню на каждом углу купить можно.

– Да ну, – искренне удивился Олег. – И дорого?

– Копейки. Она у нас почти ничего не стоит. В каждом дворе растет.

– А у нас? – оживившись, обратился Олег к Зинаиде.

– У нас... – многозначительно произнесла та. – Во-первых, у нас ее днем с огнем не купишь. Дефицит. А во-вторых, и стоит она ого-го сколько.

– Ну, а сколько? – не унимался Олег.

– В прошлом году я на рынке по две тысячи за кило покупала, – встряла в разговор молчавшая до этого Светлана, ей тоже хотелось поучаствовать в разговоре, показать свою осведомленность. – В этом наверно еще дороже будет.

– Вот, – обрадовался Олег. – Вот, это то, что нам надо!

– Значит, вот что, Михай, – хлопнул он по плечу морячка, – давай-ка ты дуй к себе домой в Мукачево.

– Чего это ты его гонишь, – запротестовала слегка захмелевшая Зинаида. – Он мне и здесь согдится...

– В общем, ты едешь к себе домой, в Закарпатье, – не слушая ее, продолжил Олег, – и договариваешься на месте, у кого можно оптом купить эту самую черешню.

– Сколько килограмм? – неуверенно спросил Михай.

– Каких килограмм, – замахал руками Олег. – Тонн.

– Тонн? – тут ахнула уже Зинаида.

– Тонн! – повторил Олег. – Ручку давай. И бумагу, – и он стал что-то быстро писать.

– Вот приблизительный расчет. – Олег сделал многозначительную паузу. – В фуру вмещается приблизительно полторы тысячи ящиков по 15 кг. Я узнавал. Это около пятнадцати тонн. Ехать в Мукачево максимум пару дней. Столько же обратно. Ну, еще день—два на погрузку. Допустим, оптом кило черешни стоит максимум тысячу рублей. Это пятнадцать миллионов.

– Сколько? – опять ахнула Зинаида.

– Ну, за аренду фуры пару миллионов, – не обращая на нее внимания, продолжил озвучивать свой план Олег. – За тару, бензин, другие непредвиденные расходы еще набросим три лимона. Итого – двадцать миллионов рублей, – подытожил он свой расчет. – Деньги на бочку, господа.

Но господа только весело рассмеялись. Откуда? Да они таких денег, отродясь не видали, не то, чтобы в руках держать.

– Что ж, будем искать, – невозмутимо сказал Олег. – Должны ж они у кого-то быть.

Поговорили и забыли. У Олега всегда какие-то фантастические идеи в голове. Особенно, когда выпьет. Ан не тут-то было. Через два дня он зашел к Зинаиде и вынул из потертого саквояжа увесистый сверток.

– Моя доля! – торжественно изрек он. – Пять миллионов. Теперь дело за вами.

– Ты что, серьезно? – опешила Зинаида. – Я думала, ты шутишь...

– Какое – шутишь, – рассердился Олег. – Куй железо, пока горячо!

Он, не разуваясь, прошел на кухню.

– А где твой морячок? – обратился к Зинаиде.

– Откуда я знаю. С мужиками, наверное, пиво пьет.

– Правильно, – усмехнулся Олег. – Мне это только надо. Все ж у нас богатые... Билеты хоть купил?

– Куда?

– В Мукачево, куда... Слушай, Зинаида, я не шучу. Поверь, дело верное. Мы на этой черешне очень даже неплохо заработать можем. Давай, не мешкай. А то пока мы будем чесаться, уже и черешня кончится...

Мысль о возможности заработать шальные деньги, особенно, когда нет никаких, заставила подруг шевелиться. Михая быстренько спровадили на историческую родину следить за ходом созревания ягод. Сами же подруги, не теряя времени, активно занялись поисками недостающих миллионов. Дело потихоньку шло.

Но тут встал другой вопрос: кто поедет за черешней? Ни Олега, ни Зинаиду со Светланой, как военнослужащих, на неделю никто бы так просто не отпустил. Тут-то и вспомнили про Сергея. Олег с ним познакомился в редакции газеты «Страж Балтики», куда периодически носил свои корявые, хотя этого и не замечал, стихи. А Сергей, будучи старшим корреспондентом отдела культуры и быта («старики» называли его «сбыта») доводил их до ума. Не Пушкин, конечно, но складно. Сергею нравилось. После правки стихи выглядели действительно как-

то солиднее, причесанней, что ли. Он даже книжку собирался издать. Спал и видел: такой, не очень большой, но солидный томик стихов. Избранное. А чуть выше золотом: Олег Чистяков. Да, очень ему этого хотелось. Очень. Пока его стихи не попались на глаза местному писателю—маринисту Валентину Зорину. Тот и сам частенько печатался в «Стражухе». А тут как-то забежал в редакцию и, искренне посочувствовав Сергею, мучавшемуся над очередным опусом Олега, предложил свои услуги:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.